

Москва 1812 года

глазами русских и французов

Александр Васькин

**Москва 1812 года глазами
русских и французов**

«Автор»

2012

УДК 908(470-25):94(47).072.5:82-94
ББК 26.89(2-2Мос):63.3(2)521.1-686ю14

Васькин А. А.

Москва 1812 года глазами русских и французов / А. А. Васькин —
«Автор», 2012

ISBN 978-5-9973-2000-3

Известный москвовед Александр Васькин знакомит читателя с участниками событий двухсотлетней давности, происходивших в Москве в 1812 году, и их воспоминаниями. Герои этой книги: генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин и французский дипломат Коленкур, чиновник Бестужев-Рюмин и адъютант Наполеона Сегюр, литератор князь Шаликов и писатель Стендаль, канцелярист Булгаков и сержант Бургонь, француз-эмигрант Д'Изарн и голландец Дедем, лейтенанты Ложье и Дамплу... В книге освещены самые разные исторические аспекты, как то: вступление захватчиков в Москву, начало пожаров и безуспешная борьба французов с русскими поджигателями, мародерство и грабежи, организация муниципалитета, отношения местного населения с оккупантами, подрыв Кремля и многое другое... Ряд публикаций и их перевод напечатаны в данном издании впервые после многолетнего перерыва. Книга снабжена именным указателем, а также указателями зданий и улиц Москвы.

УДК 908(470-25):94(47).072.5:82-94
ББК 26.89(2-2Мос):63.3(2)521.1-686ю14

ISBN 978-5-9973-2000-3

© Васькин А. А., 2012
© Автор, 2012

Содержание

Русские: «Наступил последний день Москвы»	6
Федор Ростопчин: «Наполеон вооружил меня зажигательным факелом»	10
Правда о пожаре Москвы Сочинение графа Ф. В. Ростопчина	17
Александр Булгаков: «Опустошения и пожары продолжаются»	38
Новые подлинные черты из истории отечественной войны 1812 года	41
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Анатольевич Васькин
Москва 1812 года глазами
русских и французов

© Васькин А.А., комментарии, редакция, перевод (частично), составление, 2012

Русские: «Наступил последний день Москвы»

Мы неслучайно поместили на обложку книги образ колокольни Ивана Великого, восстановление которой стало символом возрождения Москвы после варварского нашествия французов осенью 1812 г.¹ Наполеон, метавшийся по сгоревшей Москве, словно зверь в клетке, бесполезно прождав от русских перемирия, в отместку приказал сорвать с колокольни Ивана Великого крест (польские приспешники Бонапарта уверяли его, что Иван Великий – не что иное, как олицетворение русского сопротивления, и очень почитается москвичами). Но это оказалось не так-то просто и быстро сделать. В тот момент, когда саперы императорской армии добрались наконец на вершину одной из самых высоких башен Европы, крест окружила огромная стая ворон. Отбиваясь от чернокрылых птиц, французы не смогли снять крест, и он рухнул на землю. Как голодные собаки, кинулись гвардейцы Наполеона собирать остатки разбившегося креста, рассыкая их по своим походным сумкам. Многие из них надеялись увезти из Москвы кусочки от креста колокольни Ивана Великого как сувениры, но лишь малая часть французских вояк вообще смогла выбраться из России живыми.

«Лучшей славой русского народа» назвал Лев Толстой победу России в Отечественной войне 1812 г. Трагическим был путь к обретению этой славы: огромные человеческие жертвы, разграбленные захватчиками города и села, поруганные святыни, уничтоженные и вывезенные культурные ценности. В ряду невосполнимых утрат главное место занимает потеря древней русской столицы – Москвы, со всей полнотой испытавшей на себе тяжкие последствия французской оккупации.

Оказавшись перед неминуемым на первый взгляд выбором – оборонять город или сдать его, русские выбрали третий путь: сжечь Москву и покинуть ее. «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?» – так стоял вопрос на военном совете в Филях 1 сентября 1812 г. Главнокомандующий Михаил Кутузов отвечал: «Вопрос этот не имеет смысла для русского человека... Такой вопрос нельзя ставить». И обозначил проблему по-другому: «Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?»

Такая постановка вопроса стала неожиданной, прежде всего, для московского генерал-губернатора Федора Ростопчина, узнавшего о принятом решении уже по факту, ведь его самого Кутузов не счел нужным даже позвать на этот исторический совет, решавший судьбу Москвы. Отсутствие Ростопчина на совещании в избе крестьянина Андрея Савостьянова в Филях можно считать кульминацией странных взаимоотношений между двумя главнокомандующими – Москвы и армии. Именно эти отношения, которые не назовешь искренними, и стали одной из причин падения Москвы. Читая их переписку в августе 1812 г., приходишь к выводу, что Кутузов Ростопчину не доверял.

Содержание посылаемых Кутузовым Ростопчину писем можно обозначить одной фразой: «С потерей Москвы соединена потеря России», так, в частности, 17 августа писал он из Гжатска. Даже 26 августа после Бородинского сражения фельдмаршал продолжал уверять, что сражение будет продолжено, для чего требовал от Ростопчина прислать пополнение. Дело в том, что Ростопчин обещал выставить на защиту Москвы 80 тысяч ополченцев, но таких резервов в

Москве и быть не могло. Это обещание Ростопчину дорого обошлось и до сих пор является причиной одного из основных обвинений в его адрес.

---

¹ При создании обложки использована репродукция художника Э. Гертнера «Ивановская площадь в Московском Кремле», 1839 г.

Вместо ополчения Кутузов получал от Ростопчина письма, где тот пытался добиться четких указаний – начинать ли эвакуацию: «Извольте мне сказать, твердое ли вы имеете намерение удержать ход неприятеля на Москву и защищать град сей? Посему я приму все меры: или, вооружа все, драться до последней минуты, или, когда вы займетесь спасением армии, я займусь спасением жителей, и со всем, что есть военного, направлюсь к вам на соединение. Ваш ответ решит меня. А по смыслу его действовать буду с вами перед Москвой или один в Москве», из письма от 19 августа.

Кутузов вновь успокаивал: «Ваши мысли о сохранении Москвы здравы и необходимо представляются».

Вряд ли в то время нашелся бы в российском государстве генерал, придерживающийся другого мнения. Но ведь человек предполагает, а Бог располагает. Кутузов еще 11 августа, следуя из Петербурга в расположение армии, произнес пророческую фразу: «Ключ от Москвы взят!», такова была его реакция на взятие французами Смоленска. Кому как не «старому лису Севера» (так назвал его Наполеон) было знать, что ждет Москву в будущем. Правда для того, чтобы догадаться, что Москву может постигнуть участь Смоленска, совсем не надо было обладать стратегическим умом Кутузова. Уже сам Смоленск был сожжен, а затем и деревни, и села, спаленные их уходящими жителями.

Ростопчин же в своих афишах, ссылаясь на Кутузова, твердил, что Москва сдана не будет. И оставшиеся к тому времени в Москве люди ему верили, как отцу родному, да и как было не поверить, читая, его пламенные призывы от 30–31 августа:

«Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая отечество, не пустить злодея в Москву. Но должно пособить, и нам свое дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать. Москва наша мать. Она вас поила, кормила и богатила. Я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чем может, и конные, и пешие; возьмите только на три дни хлеба; идите со крестом; возьмите хоругви из церквей и с сим знаменiem собирайтесь тотчас на Трех Горах; я буду с вами, и вместе истребим злодея. Слава в вышних, кто не отстанет! Вечная память, кто мертвый ляжет! Горе на страшном суде, кто отговариваться станет!

...Я завтра рано еду к светлейшему князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев. Станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к черту отправлять. Я приеду назад к обеду, и примемся за дело: отделаем, доделаем и злодеев отделаем.

Генерал-губернатор своими дружескими посланиями так приучил простой народ верить ему, что, действительно, – 31 августа народ собрался, но, не дождавшись своего градоначальника, разошелся: «Народ был в числе нескольких десятков тысяч, так что трудно было, как говорится, яблоку упасть, на пространстве 4 или 5 верст квадратных, кои с восхождением солнца до захождения не расходились в ожидании графа Ростопчина, как он сам обещал предводительствовать ими; но полководец не явился, и все, с горестным унынием, разошлись по домам», – писал очевидец.

В Москве к концу августа остались самые стойкие поклонники Ростопчина, некоторые даже пытались сохранять видимость спокойствия и светской жизни. Так, 30 августа в Благородном собрании был дан бал-маскарад, народу, правда, наскребли немного. Наверное, все остальные пошли смотреть оказавшийся последним спектакль «Наталья, боярская дочь», что показывали в театре на Арбатской площади.

Те же, кто жил не по афишам графа, начали выезжать еще в июле 1812 г. Очень многие москвичи, имевшие что вывозить, а главное на чем, именно после сдачи Смоленска потянулись из Москвы. И здесь мы вновь обращаемся к Толстому, назвавшему поведение москвичей в те летние месяцы 1812 г. проявлением «скрытого чувства патриотизма». Автор «Войны и мира» пишет, что чувство это, присущее различным слоям русского общества, заставило людей выез-

жать с тем, что они могли с собой захватить, бросая дома и имущество. Выезжали потому, что для «русских людей не могло быть вопроса: хорошо или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего». Благодаря тому, что жители покинули Москву, и «совершилось то величественное событие», пишет Лев Толстой.

Величественность события (и московский пожар также относится к подобным) определялась и возможными последствиями поражения России в войне. Они, эти последствия, не заставили бы себя ждать. Это и непосильные контрибуции, и обязанность содержания французских гарнизонов, которые Наполеон непременно бы посадил на шею российскому народу, и французские таможни в крупнейших портах, и отторжение Украины, Белоруссии, Прибалтики, а главное – потеря независимости, за которую так часто и с кровопролитными потерями сражались наши предки. Через призму столь ужасных последствий поражения сожжение Москвы не выглядит таким уж катастрофичным. Так, похоже, думал и Кутузов, провозгласивший, что «с потерей Москвы еще не потеряна Россия, с потерей же армии Россия потеряна».

Но для множества москвичей пожар стал сущей катастрофой, ведь сгорело все, что наживалось еще прежними поколениями. И здесь москвич-патриот уступил место москвичу-собственнику, сокрушавшемуся по сгоревшим усадьбам, наполненным дорогой мебелью и картинами, по спаленным лабазам и складам, забитым купеческим добром, по всему тому, что делает свою рубашку ближе к телу.

Всю вину за потерю своего имущества вернувшиеся в город люди возложили не на Кутузова, давшего приказ об оставлении Москвы, а на генерал-губернатора Федора Ростопчина. Буквально все в открытую бранили его, независимо от сословной принадлежности, – на рынках и площадях, в салонах и в письмах. Характерный пример – письмо московской дамы Марии Волковой к своей петербургской родственнице Варваре Ланской от 8 Августа 1814 г.: «Если бы ты знала, какое вы нам окажете одолжение, избавив нас от прекрасного графа! Сделайте одолжение, оставьте его у себя, повысьте еще, ежели желаете, только не посылайте его к нам обратно». А ведь еще в июне 1812 г. та же Волкова писала, что «Ростопчин – наш московский властелин ...у него в тысячу раз более ума и деятельности». Как быстро поменялось общественное мнение!

Мнение это дошло до нас в сохранившихся свидетельствах очевидцев – современников Отечественной войны 1812 г. В этой главе представлены самые разные взгляды и воззрения на события двухсотлетней давности. Их можно условно разделить на две части: воспоминания тех, кто выехал из Москвы, и тех, кто остался.

Позиция московской власти того периода изложена в книге генерал-губернатора Москвы графа Федора Ростопчина «Правда о пожаре Москвы», изданной в 1823 году, и бумагах, найденных в архиве чиновника московской канцелярии Александра Булгакова. Они выражают в общем одну точку зрения, основанную на том, что их авторы как нельзя лучше были осведомлены о подготовке Москвы к эвакуации и пожару, а также обладали всей необходимой информацией, поступавшей к ним от находившихся в оккупированной Москве агентов. Свидетельства Ростопчина и Булгакова, выехавших из Москвы перед ее сдачей, по сути, носят оправдательный характер, поскольку именно на генерал-губернатора и была впоследствии возложена ответственность за сожжение Москвы.

Но выехать сумели не все, а некоторые и вовсе не захотели. Чиновник Вотчинного департамента Алексей Бестужев-Рюмин был рад оставить Москву вместе со своим семейством, но не смог, а потому своими глазами видел все происходящее в городе в сентябре-октябре 1812 года, будучи вынужденным участвовать в созданных оккупантами органах местного самоуправления. Вследствие этих причин отношение его к графу Ростопчину – крайне неприязненное, что и выражают «Записки Алексея Дмитриевича Бестужева-Рюмина. Краткое описание происше-

ствиям в столице Москве в 1812 году». В данной книге впервые публикуется перевод письма Бестужева-Рюмина к Наполеону.

Что же касается тех, кто сознательно остался ждать французов, то имена их названы в публикуемом документе «Расписание особам, составляющим французское правление или муниципалитет в Москве, 1812 года». Из него мы узнаем, насколько же верный смысл заключен в русской пословице «Кому война, а кому мать родна».

Особняком стоит «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» князя Петра Шаликова, также остававшегося в оккупации. Название вполне соответствует содержанию произведения. Написанное к тому же литературным, чуть ли не былинным (по сегодняшнему времени) языком, «Историческое известие» читается не просто как воспоминание, а служит документом эпохи. Ведь это одно из первых, вскоре после окончания Отечественной войны, напечатанных свидетельств – на его титульном листе стоит дата «1813 г.». Впервые за двести лет публикуется здесь это сочинение Шаликова.

Незатейливые воспоминания врача Ф. Беккера, ребенком пережившего войну 1812 г., «Воспоминания Ф. Беккера о разорении и пожаре Москвы в 1812 г.» не менее интересны. Даже удивительно, насколько четко он все запомнил, чтобы почти через полвека поделиться пережитым с потомками.

Совершенно с другой стороны, если можно так выразиться, со своей колокольни, повествует о виденном им в горящей Москве московский француз Франсуа Жозеф д'Изарн Вильфор в своих мемуарах «Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году». В те горячие дни эмигрантов в первопрестольной было даже больше, чем оставшихся москвичей.

Интересным представляется сопоставление свидетельств самых разных людей об одних и тех же событиях двухсотлетней давности. Пусть и противоречивые, но крайне любопытные подробности, занятные, казалось бы, мелочи, тем не менее, создают как можно более полную картину происходившего тогда. А это, в свою очередь, позволяет с максимальной объективностью судить о таких сторонах французской оккупации, как вступление захватчиков в Москву, начало пожаров, мародерство, попытка организовать муниципалитет, отношения местного населения с оккупантами, подрыв Кремля и многое другое...

Возможностью читать воспоминания наших соотечественников о 1812 годе мы обязаны тем немногим подвижникам-исследователям, которые посвятили свою жизнь изучению славной истории нашей страны. И среди них одно из первых мест принадлежит Петру Ивановичу Бартеневу (1829–1912), издателю «Русского архива» (с 1863 г.), представляющего огромный пласт материалов по всестороннему изучению истории России. Сколько же ценных публикаций увидело впервые свет на страницах этого интереснейшего журнала! Воспоминания, письма, дневники, записки, литературные опыты... В ряду напечатанных в этой книге сочинений есть и опубликованные более ста лет назад в «Русском архиве» записки Бестужева-Рюмина, Булгакова, Д'Изарна. Не меньший вклад в изучение российской истории внес и М.И. Семевский (1837–1892), издававший с 1870 г. в Санкт-Петербурге журнал «Русская старина», одна из публикаций которого также воспроизводится в книге.

Напечатанные в этой книге материалы сопровождаются современными комментариями и переводом с французского языка (там, где он отсутствовал), а также историческими справками и примечаниями.

Федор Ростопчин: «Наполеон вооружил меня зажигательным факелом»

За шестьдесят прожитых лет Федор Васильевич Ростопчин (1765–1826) проявил себя в трех областях: на государственной службе, в сельском хозяйстве и в литературе. И если первые две стези занимали графа лишь временами, то последней он никогда не изменял. Всю свою жизнь, протекавшую неподалеку от царского трона (а иногда и очень близко к нему), Ростопчин описал с такой тщательностью и смелой непосредственностью, что сочинения его приобрели не только автобиографический, но и хроникальный характер. Правда, герой нашего повествования, приложив руку к «изваянию» своего образа в собственных произведениях, напустил в них немало словесного тумана, создавшего определенные трудности для потомков, до сих пор спорящих о месте и дате его рождения.

А родился будущий писатель в... Впрочем, дадим слово ему самому: «В 1765 г., 12 марта я вышел из тьмы и появился на Божий свет. Меня смерили, взвесили, окрестили. Я родился, не ведая зачем, а мои родители благодарили Бога, не зная за что. Я вышел из тьмы и появился на Божий свет». Столь остроумная автобиография заключена в вышедшем в 1839 г. ростопчинском сочинении «Мои записки, написанные в десять минут, или я сам без прикрас».

По происхождению Федор Васильевич был тем русским, которого не надо долго скрести, чтобы отмыть в нем татарина. Как-то император Павел спросил его:

– Ведь Ростопчины татарского происхождения?

– Точно так, государь, – ответил Ростопчин.

– Как же вы не князья? – уточнил он свой вопрос.

– А потому, что предок мой переселился в Россию зимою. Именитым татарам-пришельцам летним цари жаловали княжеское достоинство, а зимним жаловали шубы.

Одно из первых его сочинений – «Путешествие в Пруссию», сборник путевых заметок о немецкой жизни, стиль которого получит высокую оценку критиков девятнадцатого века: «Какой живой, искусный, чисто русский рассказ!»

После недолгих мытарств то на войне (сам Суворов подарил ему свою походную палатку), то при дворе Екатерины II (любвеобильная государыня ласково прозвала его «сумасшедшим Федькой»), к тридцати годам Ростопчин, наконец, нашел себя в окружении Павла I. Его литературные способности ярко проявились в очерке «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I». Это сочинение Ростопчина высоко ставил Петр Вяземский как «яркую, живую, глубоко и выпукло вырезанную на меди историческую страницу», написанную «мастерским пером, с живостью и трезвостью». Критик не скрывал своей зависти потомкам, «которые, в свое время, могут прочесть эту книгу».

Читая это интереснейшее произведение, мы в мельчайших подробностях видим, как быстро, на протяжении одних суток выросла роль Ростопчина в государстве, как при этом преображались лица придворных, с мольбой устремлявших свои взгляды на главного фаворита нового императора! Вот уже и влиятельный канцлер Безбородко, вытаскивший когда-то Ростопчина из безвестности, умиленным голосом просит его об одном: отпустить его в отставку «без посрамления». Лишь бы не сослали!

Павел, призвав Ростопчина, вопрошает: «Я хочу, чтобы ты откровенно мне сказал, чем ты при мне быть желаешь?» В ответ Ростопчин выказал благородное желание быть при государе «секретарем для принятия просьб об истреблении неправосудия». Но все же главная должность Ростопчина не была прописана ни в каких табелях о рангах – ее можно выразить фразой, сказанной про него Павлом: «Вот человек, от которого я не намерен ничего скрывать». За усердие и преданность в 1799 г. император возвел Ростопчина в графское достоинство.

Смысл жизни подданного – служение государю, а всякая свобода личности ведет к революции. Этот постулат павловского времени Ростопчин принял на всю оставшуюся жизнь. Именно Павел «сделал» Ростопчину прививку от либерализма. Ростопчин хорошо усвоил, что совсем немного времени требуется, чтобы «закрутить гайки»: ужесточить цензуру, запретить молодежи учиться за границей.

Еще одно важное открытие Ростопчина – то, что у России не может быть политических союзников в принципе, а есть лишь завистники, которые так и норовят сплотиться против нее. Недаром ему приписывают фразу: «Россия – это бык, которого поедают и из которого для прочих стран делают бульонные кубики». Как напишет Ростопчин в своей «Записке... о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования», «России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых».

Оказавшись в отставке в 1801 г. после насильственной смерти любимого монарха, Ростопчин посвятил себя сельскому хозяйству в подмосковном имении Вороново и вывел новую породу лошадей – ростопчинскую. Не дремало и его перо. Граф все писал и писал, не забывая критиковать новые порядки. Его консерватизм стал еще более радикальным.

Все, что ни делал Александр I, хорошо чувствующавший общественные настроения, вызывало у Ростопчина резкий протест. Особенно в направлении либерализации общества: свобода торговли и въезда и выезда из России, открытие частных типографий и беспрепятственный ввоз любой печатной продукции из-за границы, упразднение Тайной экспедиции и т. д.

«Господи помилуй! Все рушится, все падает и задавит Россию», читаем мы в его переписке 1803–1806 гг. В чем он видит основную причину «падения» России? Как и в сельском хозяйстве, это – увлечение всем иноземным: «прокуроров определяют немцев, кои русского языка не знают», «смотрят чужими глазами и чувствуют не русским сердцем» и т. д. Для исправления ситуации Ростопчин избирает весьма оригинальный способ: взять из кунсткамеры дубину Петра Великого и ею «выбить дурь из дураков и дур», а еще понаделать много таких дубин и поставить «во всех присутственных местах вместо зеркал».

В эти годы литераторство окончательно стало для Ростопчина главным занятием. В 1806 г. он сочиняет «наборную повесть из былей, по-русски писанную», уже одно название которой указывает на ее антигалльскую направленность: «Ох, французы!»

Автор, принимая на себя роль «глазного лекаря», который «если не вылечит, то, по крайней мере, не ослепит никого», открывает глаза читателю на то, каким должен быть настоящий русский дворянин. По Ростопчину, это «почтенный человек, отец, муж, россиянин редкий», хорошо воспитанный, «укрепленный телом», живущий в душе со страхом Божьим, любовью к отечеству, почтением к государю, уважением к начальству и состраданием к ближнему. Ростопчин указывает и еще на одно веское обстоятельство, без которого трудно стать настоящим патриотом, – надо жить и родиться не столицах, а «в одной из тех изобильных губерний, где круглый год никто ни в чем не знает нужды». Как видим, перечисленные качества характерны и для самого автора повести «Ох, французы!», т. к. местом его рождения является то ли Воронежская, то ли Орловская губерния, о чем до сих пор спорят апологеты графа.

Ростопчину душно в александровской России, он вынужден постоянно зажимать себе нос, остро ощущая тлетворное влияние Запада. Начинается оно с самого рождения, когда французские няньки и гувернеры разговаривают со своими воспитанниками на своем языке, а вместо «сорока, сорока кашу варила» ребенок слышит истории про Синюю бороду, в то же время, как «Наши сказки о Бове Королевиче, Илье Муромце заключают нечто рыцарское, и ничего неблагопристойного в них нет». И вот из такого ребенка, наслушавшегося в детстве французской речи, вырастает, в конце концов, несознательный дворянин, который «завидует французам и не в первый раз жалеет, что и сам не француз». Какая же из него «подпора для престола»?

Напечатали повесть лишь в 1842 г., когда автора уже давно не было в живых. Доживи Федор Васильевич до публикации, он был бы очень обрадован отзывами Белинского: «Верное зеркало нравов старины и дышит умом и юмором» и Герцена: «Много юмора, остроты и меткого взгляда».

А вот следующее произведение Ростопчина, которое можно назвать «программным», увидело свет вскоре после написания в 1807 г. В «Мыслях вслух на Красном крыльце Российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» автор предлагает уже более крутые меры по борьбе с «иноземщиной»: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: «Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восояси, все равно, – только не будь на Руси».

«Мысли...» разошлись в списках и приобрели широкую известность. По сравнению с прежними героями Ростопчина, Сила Богатырев оказался более воинственным и даже агрессивным: «Прости Господи! уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет? Ее же бранят все не на живот, а на смерть».

Своими успехами в сельском хозяйстве Ростопчин не добился такого авторитета в обществе, какой принесли ему «Мысли...»: «Эта книжка прошла всю Россию, ее читали с восторгом!» – отмечал М. Дмитриев. Сочинение Ростопчина стало востребованным еще и по той известной причине, которая всегда присутствует в обществе и обозначается формулой «конфликт отцов и детей». Граф олицетворял старшее поколение, как обычно, недовольное младшим. И здесь увлечение французским было лишь поводом: «Спаси, Господи! чему детей нынче учат! выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей? Мозг у них в тупее, сердце в руках, а душа в языке; понять нельзя, что врут и что делают... Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное Париж. Родителей не уважают, стариков презирают и, быв ничто, хотят быть все».

Но все же, главной причиной всех бед были и есть французы: «Да что за народ эти французы! копейки не стоит! смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху; ни стыда, ни совести нет. Языком пыль пускает, а руками все забирает. За которого ни примись – либо философ, либо римлянин, а все норовит в карман; труслив как заяц, шалостлив как кошка; хоть не много дай воли, тотчас и напроказит».

Когда возникла у Ростопчина ненависть к французам? Быть может, в далеком детстве, когда его домашним учителем-мучителем был представитель все той же родины Вольтера? Есть и другая веская причина. Ростопчин, призывая всех остальных к борьбе с французским влиянием, не смог ограничить его проникновение в свою семью. Да и семьи-то как таковой уже не было. Его жена, Екатерина Петровна Протасова, еще в 1806 г. приняла католичество, а затем пыталась обратить в чужую веру детей: трех дочерей, Наталью, Софью и Елизавету и двух сыновей, Андрея и Сергея.

Французские проповедники чувствовали себя у Ростопчиных, как дома. Это и популярный французский мыслитель Жозеф де Местр, и аббат Адриен Сюрюг, старший священник французской церкви Святого Людовика на Лубянке (аккурат рядом с усадьбой Ростопчиных!) и прочие. Нужно ли говорить о том, каким тяжким бременем лежала на душе у Ростопчина невозможность устройства своей собственной семьи по «русским правилам», жить по которым он наставлял всю прочую Россию.

А пока Ростопчин пробовал себя и в драматургии, сочинив одноактную комедию «Вести, или Убитый живой», главным героем которой был опять же любимый персонаж – Сила Бога-

тырев. Пьеса прошла на московской сцене в январе 1808 г. лишь три раза. Некоторые зрители, узнав себя в ее героях, закатили скандал, после чего спектакль сняли с репертуара.

Десять лет просидел Ростопчин в отставке, пытаясь обратить на себя внимание государя. А тем временем приближалась Отечественная война 1812 г., все более очевидной становилась неизбежность военного столкновения с французами. В этой ситуации сочинения Ростопчина оказались весьма злободневными. И вот, наконец, Александр I услышал графа, назначив его в мае 1812 г. генерал-губернатором Москвы.

Ростопчин получил уникальную возможность применить на практике все те меры, к необходимости которых он призывал. Прежде всего, он занялся насаждением шпиономании, приказал выслать из Москвы иностранцев, причем, не только французов, но и всех, кто попадется под руку.

Итогом сего стала жестокая расправа над купеческим сыном Верещагиным во дворе ростопчинского дома на Лубянке 2 сентября 1812 г. Граф не имел права ни казнить, ни отдавать его на растерзание толпе, за что впоследствии получил порицание от царя, вынужденного извиняться перед отцом Верещагина.

Как напишет Александр Пушкин в «Рославлеве»: «Москва взволновалась; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски».

Кульминацией литературной деятельности Ростопчина в этот период стали его знаменитые афишки – «Дружеские послания главнокомандующего в Москве к жителям ее», похожие на былинные рассказы для тех, кто и читать-то не умел, а способен был лишь слушать, стоя в толпе на московских перекрестках. Таким способом Ростопчин «успокаивал» народ, одновременно завоевывая дешевый авторитет в бедных слоях населения.

Вяземский вспоминал: «Афиши графа Ростопчина были новым и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе. Знакомый нам «Сила Андреевич» 1807 г. ныне повышен чином. В 1812 г. он уже не частно и не с Красного крыльца, а словом властным и воеводским разглашает свои Мысли вслух из своего генерал-губернаторского дома, на Лубянке». А Лев Толстой назвал язык афишек «ерническим».

Николай Карамзин, свояк графа, живший у него в доме, даже предлагал Ростопчину писать афиши за него. При этом он шутил, что этим заплатит ему за его гостеприимство и хлеб-соль. Но Ростопчин отказался. Вяземский отказ одобрил, ведь «под пером Карамзина эти листки лишились бы электрической, грубой, воспаляющей силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ».

Управляя Москвой, граф порою терял ориентацию в жизненном пространстве: то ли он государственный чиновник (образца павловского царствования), то ли пламенный народный трибун. До самого последнего дня Ростопчин объявлял в своих афишах, что Москву не сдадут, считая необходимым «при каждом дурном известии возбуждать сомнения относительно его достоверности», что можно трактовать, как желание просто запудрить мозги. Покидая Москву, он распорядился поджечь город, чтобы уничтожить остававшиеся огромные запасы продовольствия.

Результат пожара Москвы был печальным – сгорело до 80 % московских зданий, а всю вину москвичи возложили на своего прежде уважаемого генерал-губернатора. Его костили на чем свет стоит и на площадях, и в дворянских салонах. Проведенное в 1813 г. по указанию Александра I расследование показало, что Ростопчин не предпринял всех необходимых мер к организации эвакуации населения и имущества из Москвы. В 1814 г. его отправили в отставку, и обиженный граф уехал за границу.

К своему удивлению, Ростопчин встретил на Западе очень теплый и радушный прием. Ему буквально не давали прохода. Насколько сильно не любили его на родине, настолько же крепкой была любовь к легендарному московскому генерал-губернатору за рубежом. В Лондоне в честь него называли улицу, в Париже, как только Ростопчин входил в театральную ложу, зрители аплодировали ему. И граф вновь взялся за перо...

В изданной во Франции, а затем и в России в 1823 г. книге «Правда о пожаре Москвы» Ростопчин благородно снял с себя ответственность за этот пожар («главную причину истребления неприятельских армий, падения Наполеона, спасения России и освобождения Европы»), не желая

«присваивать» себе чужую славу. По его мнению, поджигатели Москвы – это и есть сами москвичи.

Чтение этой книги представляет собою крайне любопытное занятие. С присущей слогу Ростопчина витиеватостью он буквально ставит с ног на голову всю историю Отечественной войны 1812 г., касающуюся эпизодов с его участием. Книгу, написанную на французском(!), перевел на русский язык Александр Волков, а посвящена она баснописцу Ивану Дмитриеву, что довольно символично, ведь многое из того, что писал Федор Ростопчин также можно назвать баснями, которыми граф кормил своего читателя.

Ростопчин пишет, что никакого плана поджога Москвы у него не было, а было лишь три причины, воспламенявших беспрестанно его рвение: «Это была слава моего Отечества», «важность поста, препорученная мне Государем», и «благодарность к милостям Императора Павла I-го». Что же касается пожара, то виноват в нем все тот же Наполеон, снабдивший графа «зажигательным факелом, которым угодно было для собственных своих выгод вооружить мою руку».

Но это не единственное произведение графа того года, свои критические мысли относительно французской нации Ростопчин сформулировал в записке «Картина Франции 1823 года», направленной автором Александру, который вряд ли в ней нуждался. Читая записку, приходишь к выводу, что в мировоззрении Федора Васильевича ничего не изменилось: нет на свете более худшего народа, чем французский: «Француз – самое тщеславное и корыстное существо в мире» и т. д. И как только он выдержал, проживая среди «треклятых галлов» почти семь лет!

Ростопчин вернулся на родину в середине 1823 г. В Москве уже успели позабыть о претензиях к бывшему генерал-губернатору. Многие чиновники пришли засвидетельствовать ему свое почтение. Узнававший Ростопчина простой народ на улицах подходил к нему, жалел своего состарившегося бывшего градоначальника. В декабре того же года было удовлетворено и его прошение об отставке с государственной службы.

А здоровье Ростопчина становилось все хуже. Он все реже выезжал в свет. Из «Последних страниц, писанных графом Ростопчиным» в конце ноября 1825 г. узнаем мы о подробностях московской жизни, изменившейся с получением известия о смерти Александра. Принимать присягу Константину в Успенский собор Ростопчин не поехал, сославшись на нездоровье. Взгляд его на происходящие вокруг события был по-прежнему скептичен: «Народ равнодушен и несколько доволен, ибо ожидаются милости при коронации. Видно несколько горести напоя... Дворянство, раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно. Военные надеются, что их менее будут мучить».

За месяц до своей смерти Ростопчин узнал о восстании на Сенатской площади, высказавшись по этому поводу вполне остроумно: «В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками».

Скончался Федор Васильевич Ростопчин 18 января 1826 г., похоронили его на Пятницком кладбище Москвы.

Кем же был Федор Васильевич Ростопчин в большей степени – политическим деятелем или писателем? И почему уже в наше время к личности графа обнаружился столь большой интерес? Переиздаются его произведения, о нем пишут диссертации, проводят научные исследования. Современные апологеты графа считают, что лишь сегодня появилась возможность дать истинную оценку его личности, которая была невозможна ранее по причине существовавших «исторических реалий».

Долгое время отношение общества к Ростопчину было основано на позиции Льва Толстого, с презрением относившегося к графу, ставшему для писателя олицетворением крикливого и показного патриотизма, проявлявшегося в его высокопарных речах и шумливых афишах. Вместе с тем, патриотизму Ростопчина писатель противопоставил скрытое чувство патриотизма русских людей, которое обнаруживалось, когда они лицом к лицу сталкивались с врагом и отказывались вступать с ним в какие-либо соглашения, пока он не будет изгнан из пределов родины.

Одним из немногих, вступившихся за Ростопчина, был Петр Вяземский, посчитавший, что Толстой искажил образ Ростопчина. Вяземскому принадлежит и наиболее точная характеристика Ростопчина: «Между тем в графе Ростопчине было несколько Ростопчиных. В Ростопчине, сверх русским свойственной восприимчивости и гибкости, была еще какая-то особенная и крепко выдающаяся разноплеменность. Он был коренной русский, истый Москвич, но и кровный Парижанин. Духом, доблестями и предубеждениями был он того закала, из которого могут в данную минуту явиться Пожарские и Минины; складом ума, остроумием, был он, ни дать ни взять, настоящий Француз. Он французов ненавидел и ругал на чисто-Французском языке; он поражал их оружием, которое сам у них заимствовал. В уме его было более блеска, внезапности, нежели основательности и убеждения».

Кажется неверным и другое мнение о том, что не будь Ростопчин московским градоначальником, то в памяти потомков он остался бы, главным образом, как литератор. Его сочинительская деятельность не отделима от государственной. Что бы он ни делал на службе – все спешил воплотить на бумаге. И наоборот, выраженные в рассказах и очерках консервативные взгляды опробывал он на деле. Правда, это не всегда приводило к положительным результатам.

С интересом читаются его «Записки о 1812 годе», где он дает точные психологические характеристики царским вельможам и министрам александровской эпохи, поражающие своей убийственностью. Он чем-то напоминает Глухова с его записной книжкой из пьесы А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», что выдает в нем завышенную самооценку, неудовлетворенные амбиции.

О ком бы ни писал Федор Васильевич – ни о ком не сказал он полностью хорошо. Как бы ни мил был ему человек, а все равно, найдет он у него маленький недостаток, который подобно ложке дегтя испортит вкус бочки словесного меда. Вот, например, его характеристика московского архиепископа Августина: «Человек, имевший большие познания в греческом и латинском языках. Он обладал крупным ораторским талантом и одарен был красноречием кротким и приятным. Благочестия у него было немного. В обществе он выказывался человеком светским, а духовенство уничижал своей грубостью. Он не был равнодушен к прекрасному полу и обладал большим числом племянниц, которые выдались с ним за просто, во всякие часы». Кажется, что он бы и царя мог разделить под орех.

«При других обстоятельствах и другой обстановке жизни, – пишет Вяземский, – мы могли бы иметь в Ростопчине писателя замечательного и первостепенного, подражателя и исполнителя школы Фонвизина. Все написанное Ростопчиным, начиная с путевых записок 1786 г. до позднейших очерков пера его, носит на себе неизгладимый и всегда неизменный Ростопчинский отпечаток. Тут не ищи автора, – а найдешь человека.

...Искать его надобно особенно в письмах его. Переписка его с графом С. Р. Воронцовым – это горячий памфлет; но памфлеты обыкновенно и пишутся сгоряча на нескольких страницах

на известное событие, или по известному вопросу. А здесь памфлет почти полувековой и ни на минуту не остывающий. Живое отражение современных событий, лиц, городских слухов и сплетней, иногда верное, меткое, часто страстное и, вероятно, не вполне справедливое, придает этой переписке, особенно у нас, характер совершенно отличный. Нельзя оторваться от чтения, хотя не всегда сочувствуешь писавшему; нередко и осуждаешь его. Многому научишься из этой переписки, за многое поблагодаришь; но общее, заключительное впечатление несколько тягостно. Бранные слова так и сыплются: он за ними в карман не лезет; они натурально так и брызгают с пера».

Роль Ростопчина в том, что он явился наиболее выдающимся выразителем мнения вполне определенной части российского общества. По сути, Москву он и возглавил как яркий представитель консервативно-националистического крыла политической элиты Российской империи. А некоторые его сочинения, в которых «язык часто неправилен, слог не обработан, не выдержан» (оценка Вяземского), тем не менее, стали для потомков вещами мемориальными, первыми памятниками русской националистической пропаганды.

Ростопчин писал, что никогда лакеем не был. И в этом он не покривил душой. Граф был из той редкой породы политиков, что всегда отстаивали свое мнение, не взирая на лица. Но это же отсутствие гибкости и превратило его политический опыт в забег на короткие дистанции: пять лет при Павле, два года при Александре. А он-то рассчитывал на большее, не считаясь с политической конъюнктурой, которая и является главным двигателем карьерного роста во все времена.

Просидев десять лет в отставке, он потерял время, оставшись все тем же вельможей павловской эпохи. Его взгляд на мир и убеждения не поменялись. В 1812 году Ростопчин вернулся, но эпоха-то была уже другая! Похоже, граф не понял этого и продолжал с упорством, достойным лучшего применения, не только отстаивать свои принципы, но и воплощать их на практике. Как бы в наказание за это Ростопчин был единолично объявлен виновником пожара Москвы. Хотя не меньшую ответственность несет за это и Кутузов. Но Кутузов скончался через год после окончания Отечественной войны, в 1813 г., и тем самым получил право войти в категорию лиц, о которых и плохо не говорят, и как победителей не судят.

Возможно, что Ростопчин и стал бы новым Фонвизиним, но увлечение политикой увело графа от литературы в сторону публицистики. В этой связи вспоминаются слова К. Батюшкова, сказавшего еще по поводу «Мыслей на Красном Крыльце»: «Любить отечество должно... но можно ли любить невежество?»

А эпитафию на надгробный камень Ростопчин сочинил себе сам:

*Здесь нашел себе покой,
С пресыщенной душой,
С сердцем истомленным,
С телом изнуренным,
Старик, переселившийся сюда.
До свиданья, господа!*

Правда о пожаре Москвы

Сочинение графа Ф. В. Ростопчина

Перевел с франц. Александр Волков. Москва. В университетской типографии. 1823.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину

Действительному

ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ и

Орден: Св. Александра Невского, Св. равноапостольного Князя Владимира первой степени и Св. Анны первого класса Кавалеру **ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ.**

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Перевод сочинения знаменитого нашего Патриота кому лучше может быть приписан, как не Вашему Высокопревосходительству? Ваша любовь к Отечеству, Ваша примерная справедливость, должности, Вами пройденные, – все оправдывает мой выбор, и я почту себя счастливым, если приношение мое удостоится благосклонного Вашего принятия.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ! Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга – Александр Волков.

ПРАВДА

О

ПОЖАРЕ МОСКВЫ

Протекло десять лет со времени пожара Москвы, и я всегда представляю потомству и Истории как изобретатель такого происшествия, которое, по принятому мнению, было главнейшею причиною истребления неприятельских армий, падения Наполеона, спасения России и освобождения Европы.

Без сомнения, есть чем возгордиться от таких прекрасных названий; но, не присваивая себе никогда прав другого и соскучась слышать одну и ту же басню, я решаюсь говорить правду, которая одна должна руководствовать Историей.

Когда пожар разрушил в три дня шесть осьмих частей Москвы, Наполеон почувствовал всю важность сего происшествия и предвидел следствие, могущее произойти от того с русской нацией, имеющей все право приписать ему сие разрушение по причине его бытности и ста тридцати тысяч солдат под его повелением. Он надеялся найти верный способ отклонить от себя весь срам сего дела в глазах русских и Европы и обратить его на Начальника Русского правления в Москве: тогда бюллетени Наполеоновы провозгласили меня зажигателем; журналы, памфлеты наперерыв один перед другим повторили сие обвинение и некоторым образом заставили авторов, писавших после о войне 1812 года, представлять несомненным такое дело, которое в самой вещи было ложно.

Я расположу по статьям главнейшие доказательства, утвердившие мнение, что пожар Москвы есть мое дело; я стану отвечать на них происшествиями, известными всем русским. Было бы несправедливо этому не верить; ибо я отказываюсь от прекраснейшей роли эпохи; сам разрушаю здание моей знаменитости.

1. Наполеон в своих бюллетенях 19, 20, 21, 22, 23 и 24-м говорит утвердительно, что пожар Москвы был выдуман и приготовлен правлением Ростопчина.

Дабы выдумать и исполнить предприятие столь ужасное, каково есть сожжение столичного города Империи, надлежало иметь причину гораздо важнейшую, чем уверенность во зле,

могущее от того произойти для неприятеля. Хотя шесть осьмих частей города были истреблены огнем, однако оставалось еще довольно зданий для помещения всей армии Наполеона². Совершенно было невозможно, чтобы пожар мог распространиться по всем частям города: и если бы не случилось жестокого ветра, огонь сам бы по себе остановился по причине садов, пустых мест и бульваров. Таким образом, истребление жизненных припасов, находящихся в домах, которые могло бы пожрать пламя, было бы единственным злом для неприятеля и горестным плодом меры, сколь жестокой, столько же и неблагоприятной.

Кроме того, жизненные припасы, оставшиеся в Москве, были весьма незначительны: ибо Москва снабжается посредством зимнего пути и весеннего плавания до сентября месяца, а после – на плотах до зимы; но война началась в июне месяце, и неприятель был уже обладателем Смоленска в начале августа: таким образом, все подвозы остановились, и нимало уже не заботились о снабжении жизненными припасами города без защиты и угрожаемого неприятельским вторжением. Впоследствии большая часть муки, находившейся в казенных магазинах и в лавках хлебных торговцев, была обращена в хлеб и сухари, и в продолжение тринадцати дней перед входом Наполеона в Москву шестьсот телег, нагруженных сухарями, крупой и овсом, отправлялись каждое утро в армии, а посему и намерение лишить неприятеля жизненных припасов не могло иметь своего существования. Другое дело, гораздо важнейшее, должно было бы остановить исполнение предприятия пожара (если когда-либо было оно предположено), а именно, дабы тем не заставить Наполеона принудить князя Кутузова к сражению по выходе своем из Москвы, к сражению, которого все выгоды были на стороне французской армии, имеющей двойное число сражающихся, чем русская армия, отягченная ранеными и некоторою частью народа, убежавшего из Москвы³.

2. Зажигательные вещества, приготовляемые неким Шмидтом, имеющим препоручение устроить воздушный шар.

Пожар Москвы, не будучи никогда ни приготовлен, ни устроен, зажигательные вещества Шмидта сами по себе уничтожаются. Этот человек, будто бы нашедший способ управлять воздушным шаром, занимался тогда устройством такового, и, следуя шарлатанству, просил о сохранении тайны насчет его работы. Между тем уже слишком увеличили историю этого шара: дабы сделать из оной посмеяние для русских; но простофили очень редки между ними, и никогда бы не могли уверить ни одного жителя Москвы, что этот Шмидт истребит французскую армию посредством своего шара, подобного тому, которой французы употребили во время Флерюсского сражения; и какую имели нужду устраивать фабрику зажигательных веществ? Солома и сено гораздо были бы способнее для зажигателей, чем фейерверки, требующие предосторожности, и столь же трудные к сокрытию, как и к управлению для людей, совсем к тому непри-
выкших⁴.

² Об этом же, кстати, пишет и французский сержант Бургонь, чьи воспоминания приводятся в этой книге. А сколько в действительности сгорело зданий в Москве? Мнения на этому вопросу расходятся. Современница тех событий Я.П. Янькова утверждала, что пожар уничтожил восемь тысяч зданий. Историк Москвы И. Кондратьев оценивал потери так: «Из 9158 строений уцелело только 2626, и то большей частью в предместьях города и в частях Мясницкой и Тверской, где располагались караулы французской армии». Официальные итоги пожара нашли свое воплощение в генеральном плане Столичного города Москвы 1813 г., который сообщает, что после пожара сохранилось 2655 зданий. Карта города 1813 г. иллюстрирует географию пожара, согласно которой в наибольшей степени пострадали от пожара Кремль и Китай-город, Пятницкая, Якиманская, Пречистенская, Сретенская, Яузская, Басманная, Таганская и Рогожская части, уцелели же в основном периферийные районы: Лефортово, Покровка, Пресня и Хамовники.

³ Смысл этого оправдания в том, что в Москве, оказывается, было и не так много продовольствия, фуража и боеприпасов. Но ведь это не так, поскольку Москве изначально была уготована роль мобилизационной базы империи. А значит, здесь и должно было сосредоточить основные ресурсы. Недаром, именно Ростопчина назначил царь начальником ополчения не только Московской, но всех граничащих с ней губерний.

⁴ История с воздушным шаром заслуживает отдельного повествования, тем более что, описывая ее, Ростопчин лукавит. Он-то как раз был активным сторонником применения воздушного шара для войны с французами. Еще в марте 1812 г. Александру I пришло письмо от тайного советника Д.М. Алопеуса, состоявшего при короле Вюртембергском. Алопеус предложил русскому царю приобрести уникальное изобретение – «управление аэростатического шара в конструкции воздушного

3. Петарды, найденные в печах моего дома, в Москве.

Для чего мне было класть петарды в моем доме? Принимаясь топить печи, их легко бы нашли, и даже в случае взорвания было бы токмо несколько жертв, а не пожар.

Один французский медик, стоявший в моем доме, сказывал мне, что нашли в одной печи несколько ружейных патронов; если по прошествии некоторого времени сделались они петардами, то для чего же не сказать после, что это были сферы сжатия (*globes de compression* – фр.)? Что касается меня, то я оставляю изобретение петард бюллетеню; или, если действительно нашли несколько патронов в печах моего дома, то они могли быть положены после моего выезда, чтобы чрез то подать еще более повода думать, что я имел намерение сжечь Москву. Равномерно и ракеты, будто бы найденные у зажигателей, могли быть взяты в частных заведениях, в которых приготавливаются фейерверки для праздников, даваемых в Москве и за городом⁵.

4. Показания зажигателей, взятых, судимых и потом расстрелянных.

Вот еще доказательство, представленное как несомненное и убедительное, облеченное формою суда, показанием осужденных и смертью зажигателей. Наполеон объявляет в двадцатом своем бюллетене, что схватили, предали суду и расстреляли зажигателей; что все сии несчастные были взяты на месте, снабженные зажигательными веществами и бросающие огонь по моему приказанию.

Двадцатый бюллетень объявляет, что эти зажигатели – были колодники, бросившие огонь в пятистах местах в один раз, что никоим образом невозможно. Впрочем, можно ли полагать, чтобы я дал свободу колодникам, содержащимся в тюрьмах, с условием жечь город, и что сии люди могли исполнить мои приказания во время моего отсутствия пред целой неприятельской армией? Но я хочу убедить всех тех, кои единственно судят, по-видимому, что колодники никогда не были к тому употреблены⁶.

корабля», способного вмещать «нужное число людей и снарядов для взорвания всех крепостей, для остановки и истребления величайших армий». Письмо пришло вовремя – Российская империя готовилась к войне с Наполеоном. Хорошим подспорьем в борьбе с неприятелем было бы использование достижений научно-технического прогресса в лице целой флотилии в составе полусотни воздушных кораблей, способных сбрасывать на вражеских солдат ящики с порохом и уничтожать врагов целыми эскадронами. Вскоре границу России пересек изобретатель воздушного шара Франц Леппих, «родом немец, дослужившийся в британских войсках до капитанского чина и прилежный к механическим искусствам». Он приехал с паспортом на чужое имя – Генриха Шмидта, о котором и пишет Ростопчин. Переименование было вызвано необходимой секретностью. Шмидта-Леппиха отвезли в подмосковное имение Воронцово, снабдив его всем необходимым для достижения результата. В конце мая 1812 г. Ростопчин получил от императора следующее указание: «Теперь я обращаюсь к предмету, который вверяю вашей скромности, потому что в отношении к нему необходимо соблюдение безусловной тайны. Несколько времени тому назад ко мне был прислан очень искусный механик, сделавший открытие, которое может иметь весьма важные последствия... Я желал бы, чтобы Леппих не являлся в ваш дом и чтобы вы виделись с ним где-нибудь так, где это не было заметно». Ростопчин охарактеризовал изобретателя как «весьма искусного и опытного механика», обеспечив его пятью тысячами метров тафты, а также купоросным маслом и железными опилками. Все это обошлось казне в 120 тысяч рублей. Сумма гигантская, особенно в предвоенных условиях. А потому и ожидания от ее использования были соответствующими. Для конспирации все работы по производству шара замаскировали под фабрику сельскохозяйственных изделий. Ростопчину механик очень понравился: «Я подружился с Леппихом, который тоже меня любит, и машина стала мне дорога, точно мое дитя. Леппих предлагает мне пуститься на ней вместе с ним, но я не могу этого сделать без Вашего позволения». Граф был очень уверен в успехе дела. 22 августа Ростопчин рассказал москвичам о чудесном изобретении: «От главнокомандующего в Москве. – Здесь мне поручено от государя было сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят: и по ветру, и против ветра; а что от него будет, узнаете и порадуетесь. Если погода будет хороша, то завтра или послезавтра ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтоб вы, увидя его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и погибели. Генерал Платов, по приказанию государя и думая, что его императорское величество уже в Москве, приехал сюда прямо ко мне и едет после обеда обратно в армию и поспеет к баталии, чтоб там петь благодарной молебн и «Тебя, Бога, хвалим!» К сожалению, ожиданиям Ростопчина не было суждено оправдаться. Летающая лодка Леппиха так и не поднялась в воздух, а оставшиеся от нее полуфабрикаты по приказу Ростопчина погрузили на 130 подвод и отправили в Нижний Новгород.

⁵ Однако, французские офицеры и солдаты утверждали иное – попытки затопить печи в занятых ими домах, нередко приводили к взрывам из-за заложенного там ранее пороха.

⁶ Вопрос об использовании заключенных московских тюрем в поджоге до сих пор остается открытым. Например, В.Н. Земцов высказывает такую интересную версию: узнав 2 сентября 1812 г., что арестанты Временной тюрьмы еще не эвакуированы из Москвы, Ростопчин вполне мог найти им нужное применение, а именно: освободить, потребовав от них клятвы перед иконами в исполнении «патриотического долга». Именно в этом французы и обвиняли московского генерал-губернатора не

По мере приближения Наполеоновой армии к какому-либо губернскому городу, гражданские губернаторы всегда отправляли колодников в Москву под прикрытием нескольких солдат. Вышло из того, что в конце месяца августа московские тюрьмы наполнены были колодниками губерний Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской. Число оных, с включением также и колодников московских, состояло из осьмисот десяти человек, которые под прикрытием одного батальона, взятого из гарнизонного полку, были отосланы в Нижний Новгород двумя днями прежде входа неприятеля в Москву. Они прибыли к месту своего назначения, и в начале 1813 года, во избежание затруднения на счет рассылки их по прежним губерниям, предписано было Судебным местам Нижнего Новгорода учинить и кончить их процесс там.

Но процесс, учиненный зажигателям (который напечатан и которого я имею у себя еще один экземпляр), объявляет, что были представлены тридцать человек, из коих каждый поименован, и между которыми тринадцать, будучи уличены в зажигательстве города по моему приказанию, приговорены к смерти. Между тем по двадцатому и двадцать первому бюллетеню расстреляно их сначала сто, а потом еще триста. По моему возвращению в Москву я нашел и говорил с тремя несчастными из числа тридцати, обозначенных в процессе: один был слуга князя Сибирского, оставленный при доме, другой – старый подметальщик в Кремле, третий – магазинный сторож.

Все трое, допрашиваемые порознь, мне сказали одно и то же в 1812 году, что и два года после того, то есть, что они взяты были в первые дни сентября месяца (стар. стиля), один во время ночи на улице, двое других в Кремле днем. Они оставались некоторое время в кордегардии в самом Кремле; наконец одним утром препроводили их с десятью другими русскими в Хамовнические казармы; к ним присоединили еще семнадцать других человек и отвели их под сильным прикрытием к Петровскому монастырю, находящемуся на бульваре. Там они простояли почти целый час; после чего множество офицеров приехало верхами и сошли на землю. Тридцать русских были поставлены в одну линию, из коих отсчитавши тринадцать справа, поставили к монастырской стене и расстреляли. Тела их были повешены на фонарные столбы с французскою и русскою надписью, что это были зажигатели. Другие семнадцать были отпущены и впредь уже не тревожимы.

Объявление сих людей (если оно справедливо) заставляет думать, что никто их не допрашивал и что тринадцать были расстреляны по повелению вышнего начальства⁷.

5. Показание одного человека, будто бы полицейского солдата, найденного в Кремлевских погребках и изрубленного на части солдатами Наполеоновой гвардии. Этот несчастный

только в сентябре 1812 г., но и впоследствии, пытаясь возложить на Ростопчина всю вину за поджог Москвы. Действительно, Ростопчин вполне мог использовать колодников для организации поджога Москвы, как использовал он для собственного спасения других арестованных – Верещагина и Мутона, устроив 2 сентября публичную казнь у ворот своего дома. Подспорьем существования этой версии служит любопытный рассказ некоего очевидца, «заинтересованного в этом деле», переданный П.И. Бартеневым: «Незадолго до вступления французов в Москву к дверям слесаря, немца Гурни, жившего в Немецкой слободе, подошел просить милостыни какой-то нищий в арестантском платье и с головою, наполовину обритою. Хозяйка дома дала этому несчастному все нужное для того, чтобы подкрепиться и потом еще несколько денег. «Сударыня, – сказал он ей, в благодарность за вашу доброту ко мне, я дам вам совет: уезжайте как можно скорей». – «Зачем?» – «Этого мне нельзя сказать вам». – Но осажденный вопросами, он рассказал наконец, что все арестанты без исключения выпущены из острога; с них взяли слово, что они будут поджигать город, а для большей верности их заставили присягнуть перед иконами».

⁷ Процесс над поджигателями начался 12 сентября 1812 г. в доме Долгоруковых на Покровке (совр. дом № 4). В тот же день был напечатан бюллетень, в котором говорилось, что учреждена комиссия «по приказу императора и короля» «для отыскания и суждения виновных и участвующих в пожаре, который случился в разных местах в городе Москва 14, 15, 16, 17 и 18 числа сего месяца, и который после продолжался». Приведенная в бюллетене информация о числе обвиняемых несколько расходится с данными Ростопчина. Перед судом предстало двадцать шесть москвичей. Созданная оккупантами Военная комиссия под председательством главного судьи Великой армии генерала Ж. Лоэра приговорила десять человек к расстрелу, а остальных – к тюремному заключению и обязанности присутствовать при исполнении приговора. Очевидцы, присутствовавшие на этом судилище, вспоминали, что часть обвиняемых подтвердили, что имели приказ поджигать дома в Москве. На суде были предъявлены «вещественные доказательства»: фитили, ракеты и прочие легковоспламеняющиеся средства. Казнили приговоренных к смерти на следующий день у стен Новодевичьего монастыря. После расправы каждого из убитых привязали к столбу, обозначив табличкой со словами «Поджигатели Москвы».

полицейский солдат, или как он таким себя называл, найденный в одном погребе, мог ли сказать, что он оставался по приказанию своего начальника? Между тем, кто был этот начальник? – Я ли? Полицмейстер ли? Офицер ли? Сержант ли? Какое препоручение дано ему было? Но ему не сделали чести им заняться; он был изрублен гвардейскими солдатами.

6. Вывезенные пожарные трубы.

Я велел выпроводить из города две тысячи сто человек пожарной команды и девяносто шесть труб (ибо их было по три в каждой части) накануне входа неприятеля в Москву. Был также корпус офицеров, определенный на службу при пожарных трубах, и я не рассудил за благо оставить его для услуг Наполеона, выведши уже из города все гражданские и военные чины⁸.

Между тем очень естественно желать знать подлинно, кто бросал огонь и производил пожар Москвы.

Итак, вот подробности, которые я могу доставить об этом происшествии, которое Наполеон складывает на меня, которое русские складывают на Наполеона, и которое не могу я приписать ни русским, ни неприятелям исключительно. Половина русских людей, оставшихся в Москве, состояла из одних токмо бродяг, и легко стать может, что они старались о распространении пожаров, дабы с большею удобностию грабить в беспорядке. Но это еще не может быть убедительным доказательством, что существовал план для сожжения города, и что этот план и его исполнение были моим делом⁹.

Главная черта русского характера есть некорыстолюбие и готовность скорее уничтожить, чем уступить, оканчивая ссору сими словами: не доставайся же никому. В частых разговорах с купцами, мастеровыми и людьми из простого народа я слышал следующее выражение, когда они с горестью изъявляли свой страх, чтоб Москва не досталась в руки неприятеля: лучше ее сжечь. Во время моего пребывания в главной квартире князя Кутузова я видел многих людей, спасшихся из Москвы после пожара, которые хвалились тем, что сами зажигали свои дома.

Вот подробности, собранные мною по моему возвращению в Москву; я их представляю здесь точно в таком виде, в каком они ко мне пришли. Я не был свидетелем оных, ибо находился в отсутствии.

В Москве есть целая улица с каретными лавками, и в которой живут одни только каретники¹⁰. Когда армия Наполеона вошла в город, то многие генералы и офицеры бросились в этот квартал и, обошедши все заведения того, выбрали себе кареты и заметили их своими именами. Хозяева по общему между собою согласию, не желая снабдить каретами неприятеля, зажгли все свои лавки.

---

⁸ Сожжение Москвы казалось, видимо, вполне логичным после сожжения Смоленска. Недаром, после оставления русской армией Смоленска 12 августа Ростопчин писал Барклаю: «Когда бы Вы отступили к Вязьме, тогда я возьмусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю убираться, а народ здешний... следуя русскому правилу – не доставайся злодею, – обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица... Он найдет пепел и золу». Приказ Ростопчина о вывозе из Москвы всех средств пожаротушения и пожарной команды можно расценивать как непосредственную подготовку к сожжению Первопрестольной. Однако, если бы пожарные трубы были оставлены в Москве, то большую часть зданий удалось бы отстоять в борьбе с огнем. Характерный пример – судьба Воспитательного дома, который сохранился исключительно благодаря тому, что несколько пожарных труб в доме все-таки нашли и использовали для тушения огня. Роль пожарной команды в данном случае выполняли служащие дома во главе с его надзирателем Иваном Тутолминым, героически боровшиеся за спасение здания.

⁹ Ростопчин позаботился и о поджоге домов своих близких. Так, он приказал спалить дом Протасовых, родственников своей жены: «У барышень Протасовых был в Москве дом на Пречистенке; в 1812 году оставался в нем дворник, который хотел беречь его вопреки неприятелю; раз ночью, когда он караулил его, он увидел верхового, который поравнявшись с домом Протасовых, выстрелил из пистолета; дом загорелся, дворник принялся кричать, но верховой сказал ему: «Молчи, это приказал Федор Васильевич. Дворник пошел с этим известием к барышням, уверяя их, что дом, верно, прежде еще был чем-нибудь намазан, что так легко загорелся от выстрела. Он сгорел со всем, что в нем было», рассказывала современница (Воспоминания Е.И. Елагиной и М.В. Беэр // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 2005).

¹⁰ Речь, судя по всему, идет об улице Каретный ряд.

Один купец, ушедший со своим семейством в Ярославль, оставил одного своего племянника иметь печность о его доме. Сей последний, по возвращении полиции в Москву, пришел объявить ей, что семнадцать мертвых находятся в погребе его дяди, и вот как он рассказывал о сем происшествии. На другой день входа неприятеля в город четыре солдата пришли к нему; осмотря дом и не нашедши ничего с собой унести, сошли в погреб, находящийся под оным; нашли там сотню бутылок вина и давши разуместь знаками племяннику купца, чтобы он поберег оныя, возвратились опять к вечеру в сопровождении тринадцати других солдат, зажгли свечи, принялись пить, пить и потом спать. Молодой русской купец, видя их погруженных в пьяной сон, вздумал их умертвить. Он запер погреб, завалил его камнями и убежал на улицу. По прошествии нескольких часов, размысливши хорошенько, что эти семнадцать человек могли бы каким-нибудь образом освободиться из своего заточения, встретиться с ним и его умертвить, он решился зажечь дом, что и исполнил посредством соломы.

Вероятно, что эти несчастные семнадцать человек задохлись от дыму. Два человека, один дворник г-на Муравьева, а другой купец, были схвачены при зажигании своих домов и расстреляны.

С другой стороны, Москва, будучи целью и предметом похода Наполеона в Россию, разграбление сего города было обещано армии. После взятия Смоленска солдаты нуждались в жизненных припасах и питались иногда рожью в зернах и лошадиным мясом; очень естественно, что сии войска, пришедши в обширный город, оставленный жителями, рассыпались по домам для снискания себе пищи и для грабежа. Уже в первую ночь по занятии Москвы большой корпус лавок, находящихся против Кремля, был весь в пламени. Впоследствии и даже непрерывно были пожары во многих частях города; но в пятый день ужасный вихрь разнес пламень повсюду, и в три дня огонь пожрал семь тысяч шестьсот тридцать два дома. Нельзя ожидать большой предосторожности со стороны солдат, которые ходили ночью по домам с свешными огарками, лучиною и факелами; многие даже раскладывали огонь посредине дворов, дабы греться. Денной приказ, дававший право каждому полку, расположенному на биваках близ города, посылать назначенное число солдат для разграбления домов уже сожженных, был, так сказать, приглашением или позволением умножить число оных. Но то, что более всего утверждает русских во мнении, что

Москва была сожжена неприятелем, есть весьма бесполезное взорвание Кремля.

Вот все, что я могу сказать о великом происшествии Московского пожара, которое тем еще более показалось удивительным, что нет ему примера в истории¹¹.

Наполеон оставил на три дни Кремль и возвратился ожидать мира посреди дымящихся развалин; но судьба его решилась, и перст Провидения назначил Москву быть началом его падения, так как остров Святой Елены концом его подвигов.

---

¹¹ К сожалению, Ростопчин в своих местах слишком подробных воспоминаниях почему-то умалчивает наиболее интересные нас факты об организации поджога Москвы. И у него есть на то основания: зачем писать о том, чему нет материального, т. е. бумажного подтверждения. Распоряжения о поджогах в те безнадёжные дни давались им на словах. Никаких письменных предписаний «не могло и быть... потому, что мы всегда получали словесные приказания... и равномерно доносили словесно», рассказывал квартальный надзиратель И. Мережковский, посылавшийся Ростопчиным на разведку в осажденный город. Ценнейшим источником для потомков является «Записка» бывшего следственного пристава Прокофия Вороненко, написанная им в 1836 г. Этот чиновник привлекался Ростопчиным к организации московских пожаров 2 сентября 1812 г. Вот что он сообщает: «2-го сентября в 5 час. пополудни он же (Ростопчин – авт.) поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в Комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря, и в случае внезапного наступления неприятельских войск стараться истреблять все огнем, что мною и исполнено было в разных местах... до 10 часов вечера». В 1912 г. увидели свет мемуары дочери Ростопчина, Н.Ф. Нарышкиной, из которых следует, что в ночь с 1 на 2 сентября 1812 г. в доме генерал-губернатора состоялось секретное совещание с участием полицейских чиновников, получивших «точные инструкции о зданиях и кварталах, которые следовало обратить в пепел сразу же как только пройдут наши войска: они обещали все выполнить и сдержать слово». Среди участников совещания Нарышкина называет все того же Вороненко и еще нескольких ремесленников, один из которых позднее был расстрелян оккупантами.

Теперь сделаю некоторые замечания на книгу, недавно изданную в свет М.М.^{***} под заглавием: О походе в Россию. Я в ней нашел много правды и беспристрастия, за исключением токмо исторической части о занятии Москвы. Ничего не буду говорить о пожаре, но открою некоторые ошибки М.М.^{***} насчет многих происшествий, которые он описывает, повторяя уверения многих писателей, мало заботившихся о исправности. Это не касается военных операций, которых автор был свидетелем и которые описывает он как опытный офицер. Его критика благоразумна; он не превращает историю в роман и нимало не похож на тех авторов, которым нравится говорить глупости не только о частных людях, но даже о целых нациях, как, например, издатель журнала: *Le Miroir*¹², который объявляет, что русский не боится смерти в сражениях, единственно страшась кнута; газеты, которым угодно называть русские армии дикими, козацкими и прочий набор бессмысленных злословий и лжи, равномерно как и следующие книги: *De la Russie et de l'esclavage, du Desastre de Moscou*¹³ и пр. Что ж касается именно до меня, то и конца бы не было, если бы я хотел говорить о всех глупостях, сказанных на мой счет: то иногда я безызвестного происхождения; то из подлого звания, употребленный к низким должностям при Дворе; то шут Императора Павла; то назначенный в духовное состояние, воспитанник Митрополита Платона, обучавшийся во всех городах Европы; толст и худощав, высок и мал, любезен и груб. Нимало не огорчаясь вздорами, столь щедро на счет мой расточенными кропателями историй, я представлю здесь мою службу. Я был офицером гвардии и камер-юнкером в царствование Императрицы Екатерины II; генерал-адъютантом, министром Иностранных дел и главным директором почты в царствование Императора Павла I-го; обер-камергером и главнокомандующим Москвы и ее губернии при нынешнем ИМПЕРАТОРЕ. Что же касается до моего происхождения, то, не во гнев господам, рассуждающим под красным колпаком, я скажу, что родоначальник нашей фамилии, поселившейся в России назад тому более трех столетий, происходил по прямой линии от одно из сыновей Чингис-Хана.

В книге, на которую я делаю замечания, М. М.^{***} представляет меня человеком с запальчивым характером. Первый, который сказал это как ни попало (ибо прочие уже вслед за ним повторили), очень бы затруднился в доказательствах им сказуемого. Прежде, нежели произнести свой приговор о поступках и поведении человека Государственного, надобно, если не хотят учинить несправедливости, обратить свое внимание на время, место, обстоятельства и узнать хорошенько причины, заставляющие его таким или другим образом действовать. Выбросите из моего правления 1812 года зажигательный факел, которым угодно было Наполеону для собственных своих выгод вооружить мою руку, то найдут план, от которого я никогда не отступал, и который исполнял я со спокойствием и терпением. Другой на моем месте не употребил бы, может быть, столько деятельности, но были три причины, которые воспламеняли беспрестанно мое рвение в сию губительную эпоху: это была слава моего Отечества, важность поста, препорученная мне Государем, и благодарность к милостям Императора Павла I-го. Столько было дел, что не доставало времени сделаться больным, и я не понимаю, как мог я перенести столько трудов. От взятия Смоленска до моего выезда из Москвы, то есть в продолжение двадцати трех дней я не спал на постели: я ложился, нимало не раздеваясь на канapé, будучи беспрестанно пробуждаем то для чтения депешей, приходящих тогда ко мне со всех сторон, то для переговоров с курьерами и немедленного отправления оных. Я приобрел уверенность, что есть всегда способ быть полезным своему Отечеству, когда слышишь его взывающий голос: жертвуй собою для моего спасения. Тогда пренебрегаешь опасностями, не уважаешь препятствия, закрываешь глаза свои на счет будущего; но в ту минуту, когда займешься собою и станешь рассчитывать, то ничего не сделаешь порядочного и вступишь в общую толпу народа.

¹² «Зеркало»

¹³ «Россия и рабство», «Катастрофа Москвы»

Я имел в виду два предмета весьма важные, от которых, полагал, зависит истребление французской армии, а именно: чтоб сохранить спокойствие в Москве и вывести из оной жителей. Я успел свыше моих надежд. Тишина продолжалась даже до самой минуты вшествия неприятеля, и из двух сот сорока тысяч жителей осталось только от двенадцати до пятнадцати тысяч человек, которые были или мещане, или иностранцы, или люди из простого звания народа, но ни один значительный человек ни из дворянства, ни из духовенства или купечества. Сенат, Судебные места, все чиновники оставили город несколькими днями прежде его занятия неприятелем. Я хотел лишить Наполеона всей возможности составить сношение Москвы со внутренностью Империи и употребить в свою пользу влияние, которое француз приобрел себе в Европе своею литературою, своими модами, своею кухнею и своим языком. Сими средствами неприятели могли бы сблизиться с русскими, получить доверенность, а наконец и сами услуги; но посреди людей, оставшихся в Москве, обольщение было без всякого действия, как посреди глухих и немых.

Нарушенное спокойствие в Москве могло бы произвести весьма дурные впечатления на дух русских, которые обращали тогда на нее свои взоры и ей подражали и следовали. Из нее-то распространился этот пламенный патриотизм, эта потребность пожертвований, этот воинский жар и это желание мщения против врагов, дерзнувших проникнуть столь далеко. По мере, как известие о занятии Москвы делалось известным в провинциях, народ приходил в ярость; и действительно, подобное происшествие должно было казаться весьма чрезвычайным такой нации, на землю которой не ступал неприятель более целого века, считая от вторжения Карла XII, Короля Шведского. Наполеон имел равную с ним участь: оба потеряли свою армию, оба были беглецы, один у турков, другой у французов.

Небольшое сочинение, изданное мною в 1807 году, имело своим назначением предупредить жителей городов против французов, живущих в России, которые старались уже приучить умы к тому мнению, что должно будет некогда нам пасть пред армиями Наполеона¹⁴. Я не говорил о них доброго; но мы были в войне, а потому и позволительно русским не любить их в сию эпоху. Но война кончилась, и русский, забыв злобу, возвращался к симпатии, существующей всегда между двумя великодушными народами. Он не сохранил сего зложелательства, которое французы оказывают даже до сего времени чужеземцам и не прощают им двойное занятие Парижа, как и трехлетнее их пребывание во Франции. Впрочем, я спрашиваю: где та земля, в которой три тысячи шестьсот тридцать французов, живущих в одном токмо столичном городе, готовом уже быть занятым их соотечественниками, могли бы жить не только спокойно, но даже заниматься своей коммерцией и отправлять свои работы?

Ни один человек не был оскорблен, и кабаки во время мнимого беспорядка при вшествии Наполеона в Москву не могли быть разграблены: ибо вследствие моего приказа не находилось в них ни одной капли вина¹⁵.

¹⁴ Имеются в виду «Мысли вслух на Красном крыльце Российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», первая публикация которых состоялась даже без ведома автора, в марте 1807 г. в Петербурге. Правда, напечатавший их А.С. Шишков немного смягчил националистические акценты. Ростопчину это не понравилось, и вскоре он сам взялся за публикацию «Мыслей...» в Москве, после чего число почитателей полемического таланта графа резко выросло. После событий под Прейсиш-Эйлау многие думали о том, о чем от имени «ефремовского дворянина Силы Андреевича Богатырева, отставного подполковника, израненного на войнах, предводителя дворянского и кавалера Георгиевского и Владимирского, из села Зажитова» писал Ростопчин. Существой Сила Богатырев на самом деле, его немедля приняли бы в ряды московского Английского клуба, многие члены которого исповедовали национал-патриотические взгляды.

¹⁵ Опровергнуть слова Ростопчина о «мнимом беспорядке» могут свидетельства очевидца тех событий – москвича, оставшегося в городе: «За сутки перед вступлением в Москву неприятеля город казался необитаемым: оставшиеся жители как бы предчувствовали, что суждено скоро совершиться чему-то ужасному; они, одержимые страхом, запершись в домах, только украдкой выглядывали на улицы; но нигде не было видно ни одной души, исключая подозрительных лиц, с полуобритыми головами, выпущенных в тот же день из острога. Эти колодники, обрадовавшись свободе, на просторе разбивали кабаки, погребки, трактиры и другие подобные заведения. Вечером острожные любители Бахуса, от скопившихся в их головах винных паров придя в пьяное безумие, вооружась ножами, топорами, кистенями, дубинами и другими орудиями, и со зверским буйством бегая по улицам, во все горло кричали: «Бей, коли, режь, руби поганых французов и не давай пардону проклятым

Московский почт-директор никогда не был послан в Сибирь, но удален в Воронеж совсем по другим причинам, какие объявляет одна немецкая газета¹⁶.

Прокламации, мною опубликованные, имели единственно в предмете утишение беспокойства; между тем все знали очень хорошо о происходившем: военные известия с величайшею скоростью приходили одни за другими от Смоленска к Москве. Основанием моих бюллетеней служили получаемые мною уведомления сначала от генерала Барклая, а потом от князя Кутузова¹⁷. Что касается до выражений, то они не могли быть оскорбительнее для неприятеля французских прокламаций 1814 года, в которых говорили, что русские любят есть мясо младенцев.

Ненависть между мною и князем Кутузовым никогда не существовала, да и время не было заниматься оной. Мы не имели никаких выгод обманывать друг друга и не могли трактовать вместе о сожжении Москвы, ибо никто о том и не думал. Правда, что во время моего с ним свидания у заставы он уверял меня о намерении дать сражение, а вечером, после военного совета, держанного на скорую руку, он прислал ко мне письмо, в котором уведомлял, что вследствие движения неприятеля он видит, к сожалению, себя принужденным оставить Москву, и что идет расположиться со своей армией на большой Рязанской дороге¹⁸.

Из всего вышесказанного мною видно, что М. М.^{***} впал в противоречие: ибо, полагая вражду между князем Кутузовым и мною, он разрушил всякую возможность взаимной доверенности. Если бы делаться врагами всех тех, коих мы осуждаем, то труд М. М.^{***} доставил бы ему значительное количество оных.

До 1806 я не имел против Наполеона ненависти более, как и последний из русских; я избегал говорить о нем сколько мог, ибо находил, что писали на его счет слишком и слишком рано. Народы Европы будут долго помнить то зло, которое причинил он им войною, и в классе просвещенном два существующих поколения разделятся между энтузиазмом к завоевателю и ненавистью к похитителю. Я даже объявлю здесь откровенно мое верование в отношении к нему: Наполеон был в глазах моих великим генералом после итальянского и египетского похода; благодетелем Франции, когда прекратил он революцию во время своего Консульства; опасным деспотом, когда сделался Императором; ненасытным завоевателем до 1812 года; человеком, упоенным славой и ослепленным счастьем, когда предпринял завоевание России; униженным гением в Фонтенбло и после Ватерлоского сражения, а на острове Св. Елены – плачущим прорицателем. Наконец, я думаю, что умер он с печали, не имея уже возможности возмущать более свет и видя себя заточенным на голых скалах, чтобы быть терзаемому воспоми-

---

бусурманам!» Эти неистовые крики и производимый ими шум продолжались во всю ночь. К умножению страха таившихся в домах жителей, дворные собаки, встревоженные необыкновенным ночным гамом, лаяли, выли, визжали и вторили пьяным безумцам. Эта страшная ночь была предвестницей тех невыразимых ужасов, которые должны были совершиться на другой день» (Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862). Об этом же писал 2 сентября 1812 г. в своем дневнике князь Д.М. Волконский: «Итак, 2-го город без полиции, наполнен мародерами, кои все начали грабить, разбили все кабаки и лавки, перепились пьяные, народ в отчаянии защищает себя, и повсюду начались грабительства от своих» (Д.М. Волконский. 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А.Г. Тартаковского. М., 1990).

¹⁶ Имеется в виду высылка московского почт-директора Ф.П. Ключарева в Воронеж («Почт-директор Ключарев ночью с 11-го на 12-е число взят нами и сослан. Это большой негодяй, и город радуется удалению сего фантазера», из письма А.Я. Булгакова от 13 августа 1812 г.).

¹⁷ Действительно, в своих афишах Ростопчин не раз ссылался на Кутузова и его заверения, что Москва сдана не будет.

¹⁸ Последствия Бородинского сражения москвичи увидели уже в последних числах августа. С запада в Москву стали вливаться бесконечные караваны с ранеными. Но уверенность Ростопчина в том, что Москву удастся отстоять, не покинула его и после разговора с Кутузовым 30 августа. Со слов ординарца Кутузова, князя А.Б. Голицына, мы узнаем, что на этой встрече «решено было умереть, но драться под стенами ее (Москвы – А.В.). Резерв должен был состоять из дружины Московской с крестами и хоругвями. Ростопчин уехал с восхищением и в восторге своем, как не был умен, но не разобрал, что в этих уверениях и распоряжениях Кутузова был потаенный смысл. Кутузову нельзя было обнаружить прежде времени под стенами Москвы, что он ее оставит, хотя он намекал в разговоре Ростопчину». Таким образом, Кутузов не раскрывал перед Ростопчиным всех карт, возможно, не надеясь на него. Намеки Кутузова, о которых пишет его ординарец, возможно и дошли до Ростопчина. Не зря сочиняя в этот день свою очередную афишку с призывом к москвичам взять в руки все, что есть, и собраться на Трех горах для сражения с неприятелем, Ростопчин выдавал им себя: «У нас на трех горах ничего не будет». А на Военный совет в Филях, где была решена судьба Москвы, Кутузов не считал нужным пригласить Ростопчина.

нанием прошедшего и мучениями настоящего, не имея права обвинять никого другого, кроме самого себя, будучи сам причиною и своего возвышения и своего падения. Я очень часто сожалел, что генерал Тамара, имевший препоручение в 1789 году, во время войны с турками, устроить флотилию в Средиземном море, не принял предложения Наполеона о приеме его в Русскую службу; но чин майора, которого он требовал, как подполковник Корсиканской национальной гвардии, был причиною отказа. Я имел это письмо много раз в своих руках.

Что касается до французских революционеров и их учеников в других землях, то я возмущался их намерением, как только оно сделалось известным по своему успеху. Все, что произошло в Европе в продолжение тридцати лет, утвердило меня в моем мнении на счет тех, которых предприятия касались к ниспровержению правительств. Какое дело до того, под каким названием эти люди скрываются или известны; эгоизм ими предводит, корыстолюбие их ослепляет.

К несчастью, в сем веке, в котором столько происшествий приучили два поколения избавлять себя от правил, внушающих должное уважение к Вере и Престолу, горсть крамольников и честолюбцев довольно свободно достигает до обольщения народа, говоря, смотря по обстоятельствам, о благополучии, богатстве, свободе, славе, завоевании и мщении; его возмущают, ведут и низвергают в ужасную пропасть бедствий. Дошли даже до того, что стали почитать революцию какою-то потребностью духа времени, и, чтоб умножить лавину бунта (*avalanche de la revolte* – фр.), представляют в блистательной перспективе выгоды конституции, не заботясь нимало, прилична ли она стране, жителям и соседям. Вот болезнь нынешнего века! Эта горячка опаснее всех горячек, даже и самой моровой язвы; ибо не только что повальная и заразительная, но сообщается чрез разговор и чтение. Ее признаки очень заметны: она начинается набором пышных слов, которые, кажется, выходят из уст какого-нибудь законодателя, друга человечества, Пророка или могущественного владетеля; потом является тысяча оскорблений против всякой власти, жажда обладания, неумеренный аппетит богатства, наконец, бред, в продолжение которого больной карабкается как можно выше, опрокидывая все пред собою.

Несмотря на все усилия возмутителей, народы, приведенные в заблуждение на некоторое время, окончат впоследствии тем, что возвратятся опять к прежнему порядку вещей или от действия размышления, или от усталости, или даже от самих излишностей: ибо очень скоро узнается, что весь свет не может быть богатым и что вот довольно места на троне для многих тысяч подданных, желающих превратиться в Государей, чтобы царствовать над нацией, которая нимало о том и не заботится. Уже доказано историей, что каждый народ, бунтующий против своего Государя, делает худшим свое состояние и дорого платит за свое заблуждение: ибо, если в борьбе законный владетель восторжествует над крамольниками, то никогда не захочет он согласиться на то, чего они желают; в противном же случае, если законный владетель падает, защищая свои права против возмущившихся подданных, то тогда сии мгновенно переходят под власть военного деспотизма, ибо за недостатком какого-нибудь Наполеона везде найдется много Итурбидов¹⁹.

Депутация города Москвы, о которой говорит М. М. ^{***}, состояла из дюжины простых людей, очень худо одетых. Представлявшие в сем торжественном случае и дворянство, и духовенство, и чиновников, и купеческое сословие было не что иное, как типографской фактор. Наполеон, видя всю странность такой комедии, обратился к нему спиною.

Отряд полицейских драгунов, о которых говорит М.М. ^{***}, состоял из десяти человек для препровождения повозки, в которой находились государственные бумаги. Что касается до меня, то я был верхом, и не прежде оставил город, как в ту минуту, когда стали палить из пушек в Кремле.

¹⁹ Августин де Итурбид (1783–1824) – бывший император Мексики, расстрелянный при попытке вернуть себе власть.

Прежде, нежели окончу сие небольшое сочинение, я сделаю некоторые замечания на бюллетени Наполеона, изданные в Москве. Читатели сами увидят, могут ли сии официальные бумаги служить материалом для истории.

Бюллетени.
№ 19, от 16-го
сентября.

Замечания.

«Совершеннейшее безначалие царствовало в городе; пьяные колодники бегали по улицам и бросали огонь повсюду».

«Малое число жителей, оставшихся в городе, сидели запершись дома, удержанные страхом и неизвестностью. Если во время вшествия Наполеона колодники бросали уже огонь, то для чего их не остановили?»

«Губернатор Ростопчин велел выслать всех купцов и торгующих, посредством которых можно бы было восстановить порядок».

«Все эти люди уехали сами по себе прежде несколькими днями. Впрочем, какой порядок могли восстановить купцы в главной квартире и во всей армии?»

«Более четырехсот французов и немцев задержаны по его приказанию».

«Ни один».

«Наконец, он велел выслать пожарную команду и трубы».

«Я о том уже говорил: девяносто шесть труб со всей прислугой и запряжкой были отосланы во внутренность Империи».

«Тридцать тысяч раненых или больных русских находятся в гошпиталях, оставленные без помощи и пищи».

«От шестнадцати до семнадцати тысяч были отправлены на четырех тысячах подвод на кануне занятия Москвы в Коломну, оттуда они поплыли Окою на больших крытых барках в Рязанскую губернию, где были учреждены гошпитали. Две тысячи раненых оставалось в Москве».

«Русские потеряли пятьдесят тысяч человек в сражении при

«Мы потеряли только убитыми и ранеными от тридцати

Москве-реке (Bataille de la Moskowa). Число убитых и раненых генералов, поднятых на месте сражения, простирается до сорока пяти или пятидесяти».

пяти до тридцати шести тысяч человек, тысячу семьсот тридцать два офицера и осмнадцать генералов. Наполеон потерял убитыми и ранеными более пятидесяти тысяч человек, тысячу двести офицеров и сорок девять генералов. Мне достались все рапорты от одного офицера, которому они были препоручены и кои находились в канцелярии князя Невшательского. Этот офицер, раненый при Бородине, находился в Голицынской больнице».

20 Бюллетень,
17 сентября.

«Нашли в доме этого негодного Ростопчина (miserable Rostopschine) некоторые бумаги и одно письмо недоконченное».

«Все эти бумаги, по большей части ничего незначащие, были отбиты казаками, и не стоили труда быть ко мне опять доставленными. Я не был захвачен врасплох, еще менее удивлен вшествием неприятеля, а потому и имел бы время окончить письмо. Я выехал не торопясь верхом чрез Серпуховскую заставу, и не прежде оставил городской вал, как уведомили меня, что французский авангард вошел уже в город».

«16 числа восстал жестокий вихрь; от трех до четырехсот мошенников бросили огонь по городу в пятистах местах в один раз по приказанию губернатора Ростопчина».

Таким образом, сии от трех до четырехсот мошенников, в ожидании жестокого вихря, оставались четыре дня посреди французской армии. Надобно, чтоб они были весьма искусны, чтобы бросить огонь в пятистах

«Церквей, их было тысячу шестьсот».

«Эта потеря неисчислима для России; если оценить, то в несколько тысяч миллионов, то еще не велика будет оценка».

«Тридцать тысяч русских раненых и больных сгорели».

«И привели двести тысяч честных жителей в бедность; это злодеяние Ростопчина, исполненное преступниками, освобожденными из тюрем».

местах в один раз, будучи только в числе от трех до четырехсот человек. Что же касается до моего имени, то оно служит припевом к пожару, как припев Мальборуга в песни».

«Их было не более двухсот шестидесяти семи».

«По исчислению, сделанному Комиссией, убытки, произведенные пожаром и войною, как в самом городе, так и в Московской губернии, не превышали 321 миллиона рублей; таким образом, это еще слишком далеко от нескольких тысяч миллионов».

«Я уже сказал, что их не более было двух тысяч, и два гошпиталю, в которых они находились, также не сгорели».

«По возвращении моем в Москву, после выхода неприятеля, я нашел в ней от тысячи двести до тысячи пятисот человек из бедного состояния народа в величайшей нужде: они были помещены по квартирам, одеты и кормлены в продолжение целого года за счет казны. Что же касается до преступников, употребленных для зажигательства, как говорит бюллетень, то они находились тогда по крайней мере за пятьдесят миль от Москвы, оставивши ее за четыре дни прежде того».

«Солдаты находили и находят множество шуб и мехов для зимы. Москва - магазин оных».

«Так; но меха привозятся по первому зимнему пути, оставалось же их очень мало: ибо ополчение Московское, Тверское, Ярославское и Владимирское купило оных на семьдесят одну тысячу рублей».

21-й Бюллетень,
20 сентября.

«Триста зажигателей были схвачены и расстреляны».

«Таким образом, это ошибка в двухстах осмидесяти семи человеках; ибо я уже сказал, что их расстреляно было только тринадцать».

«Прекрасный Дворец Екатерины, вновь меблированный».

«Он никогда не был меблирован: построенный на конце города, он обращен был во время Императора Павла в казармы, а я поместил в нем гошпиталь для раненых».

«В то время, как Ростопчин вывозил пожарные трубы из города, он оставлял шестьдесят тысяч ружей, сто пятьдесят пушек и один миллион пятьсот патронов и проч.».

«Тысяча шестьсот починенных ружей в Арсенале были отданы Московскому ополчению; что же касается до пушек, то их было девяносто четыре шести-фунтового калибра с лафетами и пороховыми ящиками. Они были отправлены в Нижний Новгород до входа неприятеля в Москву, который нашел в Арсенале только шесть разорванных пушек без лафетов и две огромнейшие гаубицы. Поскольку Наполеон принужден был сам оставить в Кремле более тысячи повозок разного разбора, то и не мог он увезти

русских пушек, и мы бы нашли их на прежнем месте. Большая часть сей артиллерии была в походе 1813 года с ополчением, устроенным генералом графом Толстым; оставался один только пороховый магазин, тот самый, в котором делали патроны для русской армии даже в последнюю ночь перехода ее чрез Москву. Он сожжен не по такой неосторожности, по какой сожжен слишком рано мост в Лейпциге».

«Пожар сей столицы отталкивает Россию целым веком назад».

«Столица вновь выстроилась, - доказательство, что ее жители не разорились. Она заключает в себе столько же жителей, как и прежде пожара, с тою только разницей, что все выстроено из камня. Великолепные Дворцы, улицы совершенно новые и превосходные публичные площади делают ее прекраснейшим городом в Европе, благодаря попечению и отеческим заботам ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА; и Россия, вместо того чтобы отстать целым веком назад, узнала свои силы, свое богатство и чрезвычайные свои пособия».

«В Кремле нашли многие украшения, употребляемые при короновании ИМПЕРАТОРОВ, и все знамена, взятые у турков в продолжение целого столетия».

«Украшения, употребляемые при короновании и которые составляют часть сокровищ, равномерно и Патриаршеские, ценимые в 21 миллион рублей, были отправлены прежде неприятеля в Нижний Новгород

и в Вологду. Что же касается до знамен, взятых во время войн у врагов России, то они все находятся в Петербургском Арсенале».

23 Бюллетень,
9 октября.

«Нашли икону, украшенную бриллиантами; ее отослали также в Париж».

«Обыкновенно в России украшают драгоценными камнями иконы, содержимые в особенном почитании. Кажется, что сей трофей не достиг до Франции, равномерно как и тот огромный крест, который находился на высокой колокольне, называемой Иван Великий. Он был железный позолоченный, но немецкий путешественник Адам Олеарий, бывший в Москве во время Царя Алексея Михайловича, сказывал (не знаю почему), что сей крест был весь из серебра позолоченный. Таким образом, как лишь только увидели, что он был железный, то и оставили его».

«Кажется, что Ростопчин сошел с ума».

«Не знаю, почему Наполеон делает меня сумасшедшим».

«В Воронове он зажег свой замок».

«Я зажег мой замок по той самой причине, которую объявил в надписи, приклеенной к церковной двери, и сделал это единственно для предупреждения приказания, данного одному офицеру, посланному в Вороново, который нашел один только пепел. Он рассказал это

одному русскому полковнику, поднявшему его во время ретирады по переходе чрез Березину. Наполеон любил жечь; доказательством тому служит приказ, данный маршалу Мортье, чтобы позаботиться зажечь оба мои дома (Expedition de Russie, tome II, page 244). Тот, который находится близ заставы, был сожжен, но московский остался цел: ибо на другой день по выходе большой армии Москва была уже наполнена козаками и вооруженными поселянами, пробегающими по всем ее улицам».

«Русская армия отрекается от московского пожара; производители сего покушения ненавидимы в России. Ростопчина считают заодно с Маратом. Он мог утешиться в беседе с английским Комиссаром Вильсоном».

«Русская армия была уверена, что Москва сожжена неприятелем, и не могла считать меня заодно с Маратом, не ведая даже, существовала ли эта великая особа революции. Мне не нужны были утешения; я страдал о потерях моих соотечественников, не думая нимало о своих собственных, и только в главной квартире встретил г-на Вильсона».

«Большого стоило труда вытащить из загоревшихся домов и гошпиталей некоторую часть больных русских; осталось еще четыре тысячи сих несчастных. Число погибших во время пожара чрезвычайно значительно».

«Никакого не стоило труда вытаскивать из гошпиталей раненых и больных: они оставались умереть с голода; ибо раненые и больные Наполеоновой армии сами голодали. Я нашел из них тысячу триста шестьдесят живых, собранных в Шереметевской больнице и ослабших от недостатка в пище; большо-

го стоило труда спасти и вылечить из них половину».

26 Бюллетень,
23 октября.

«Жители, состоящие из двухсот тысяч душ, блуждая по лесам, умирая с голода, приходят на развалины искать каких-нибудь остатков и садовых овощей для своего пропитания».

«Так как нечего было есть, то солдаты Наполеоновой армии шатались по деревням для снискания, чем утолить свой голод. И так надлежало, чтоб эти двести тысяч русских людей могли существовать более месяца без всякой пищи».

«Император приказал сделать подкопы под Кремль. Герцог Тревизский велел оный взорвать 23 числа в два часа утра. Все было разрушено: древняя крепость, первый Дворец Царей были... »¹⁹.

«Одна колокольня, два места в стенах, две башни и четвертая часть Арсенала взорваны. Царский Дворец остался невредим, даже огонь не мог в него проникнуть. Починки стоили всего на всего 500,000 тысяч рублей. Кремль существует с древними своими воспоминаниями, и еще с новым, которое Наполеон оставил, оказывая гнев свой над кирпичами при прощании с Москвою».

Наполеон был ослеплен предшествующими своими успехами; он думал, что Россия будет покорена вся, как лишь только сделается он обладателем столицы, и что ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР предложит ему мир.

Но со всем гением, которой имел до 1812 года, он сугубо обманулся и увидел все свои предприятия уничтоженными. Он не знал твердости русского ИМПЕРАТОРА и не имел ни малейшего понятия о русском человеке, который показал себя в сию эпоху во всем своем блеске. Надлежало быть великой опасности, чтобы сей последний раскрыл великий свой характер. Неразумение нашего языка причиною тому, что иностранцы знают из всего русского народа одну только его одежду и его вид. Борода была в презрении, и считали за диких, носивших оную; но народ русский доказал, что он выше многих других народов, будучи не причастен страха и не способен к измене; он имеет в моральной своей энергии и в физической силе уверенность в успехе. Он совсем не знает ни препятствий, ни опасности; он говорит: все возможно; для чего ж не так? Дважды не умирают, – и с сими словами он предпринимает все, падает или успевает.

Часто он делается героем, совсем не думая о том и нимало не тщеславясь своими делами. Когда расточают ему похвалы, то он отвечает вам: Бог мне помог. Это не диво; я такой же человек, как и всякой другой.

В 1812 году ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР сказал: «Умереть сражаясь!» Русские отвечали ему: «Мы готовы». Нет никакой нужды возбуждать их обещаниями и наградами, только стоит сказать пойдем, – и они вам последуют. Жители Москвы были раздражены первые; узнавши еще до взятия Смоленска, что ничего не было пощажено неприятелем, что дома были разграблены, женщины поруганы, храмы Божии обращены в конюшни. Они поклялись отмщением на гробах отцов своих и истребили все, что могли. Более десяти тысяч вооруженных солдат побито крестьянами в окрестностях Москвы; сколько еще мародеров и людей безоружных пало под их ударами! Они зажигали свои дома для погубления солдат, запершихся в оных.

По возвращении моем в Москву я видел многих крестьян, даже из-за полтора ста миль прибывших, на хороших лошадях, вооруженных каждого саблею и копьем, и которые вместе с крестьянами Московской губернии сражались против неприятеля. Вместо всякого ответа на вопрос мой, они отвечали: «Наши были в беде». Всем известна история смоленского крестьянина, замеченного на руке, чтобы быть узанным, который отрубил ее одним ударом топора. Одна старая женщина из подмосковной деревни привела ко мне двух своих внуков для отправления их в армию, и, положа им руки на голову, с глазами, возведенными к небу, произнесла сии слова:

– Ступайте, друзья мои! Возвратитесь ко мне тогда только, когда не будет неприятеля на земле Русской; в противном случае, проклятие мое вас ожидает.

Один солдат, изуеченный в Итальянскую войну и возвратившийся в свою деревню, призывал привязывать себя к седлу своей лошади, чтобы предводительствовать крестьянами в сражениях. Один молодой крестьянин, взятый своим господином в Москву, потерял аппетит и сон по взятии Смоленска; он просил позволения сражаться с неприятелем. Я отослал его в армию, и он погиб в сражении при Бородине. Храбрость русского солдата слишком уже известна, чтоб прибегать к похвалам: его ненужно возбуждать повышаниями или пенсиями; он повинуетя и сражается, нимало не заботясь, представляют ли его в сражениях бюллетени, биографии, литографии и куплеты наподобие грома лавины или головы Медузы разящим, повергающим, разметающим и в камень претворяющим при своем появлении. Наконец, в сей краткой, но жестокой борьбе России против целой матерой земли Европы, имеющей Наполеона своим предводителем, все русские наперерыв один перед другим старались оказать свою преданность и верность. Московское дворянство предложило ИМПЕРАТОРУ от девяти десятых человека с провиантом на три месяца, что составило тридцать две тысячи человек; губернии Тульская, Калужская, Владимирская и Рязанская – каждая по пятнадцати тысяч человек, а Тверская и Ярославская – по двенадцати тысяч, всего сто шестнадцать тысяч. Я тот самый, которому препоручено было ИМПЕРАТОРОМ устроить эти армии, и шесть недель спустя после Указа, они уже находились каждая на границе своей губернии. Видели единокровных детей генерала Апраксина, графа Строгонова и моего, из которых старшему едва было семнадцать лет, находящихся на службе в продолжение всей войны. Сын графа Строгонова, молодой человек, подававший о себе великую надежду, был убит пушечным ядром в Краонском деле. Владельцы, потерявшие наиболее при вторжении неприятеля в Москву, даже не представили от себя сведения в Комиссию вспоможения; и нимало не подвержено сомнению, что оба графа Разумовские, генерал Апраксин, граф Бутурлин и я, мы потеряли как в городских и сельских домах, так и в движимости более нежели на пять миллионов рублей. Из библиотеки графа Бутурлина, которую ценили в миллион рублей, не осталось ни одного тома. Воспоминание о сих потерях перейдет по наследству к детям²⁰.

---

²⁰ Библиотека графа Д.П. Бутурлина находилась в его усадьбе, от которой к сегодняшнему дню остался лишь сильно пере-

Таков был 1812 год! Хотя Россия сделала большие потери в людях, но вместе с тем приобрела уверенность, что никогда не может быть покорена и, скорее, будет гробом для врагов, чем послужит завоеванием. Ее обитатели, слишком малообразованные для эгоистов, будут уметь защищать свое Отечество, нисколько не тщеславясь своею храбростию. Наполеон в сем походе, успех которого сделал бы его обладателем всей Европы, пожертвовал отборными войсками союзных армий и храбрыми французами, сражавшимися в продолжение двенадцати лет для честолюбия того, которого вознесли они даже на трон. Триста тысяч пало в сражениях, от переходов и болезней и сто тысяч погибло от голода, стужи и недостатка.

Я сказал правду и одну только правду.

Граф Федор Ростопчин. Париж, 5 Марта 1823.

Александр Булгаков: «Опустошения и пожары продолжаются»

Было время, когда братья Булгаковы пользовались в Москве известностью не меньшей, чем братья Гримм. Но если немецкие сказочники считались мастерами выдумать истории, то их русские коллеги описывали все, что происходило вокруг. Почти три десятка лет сочиняли они друг другу письма и так полюбили этот процесс, что выбрали почтовое дело основным объектом приложения своих сил и возможностей. Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863) был почт-директором в Москве, а Константин Яковлевич (1782–1835) – в Петербурге. Нас более всего интересует фигура старшего брата, находившегося рядом с генерал-губернатором Ф.В. Ростопчиным в тяжелые военные дни 1812 г.

Александр (как и Константин) появился на свет в Константинополе, где служил дипломатом его отец Яков Иванович Булгаков, женатый на француженке Екатерине Любимовне Эмбер. Братья учились в Петербургской немецкой школе св. Петра. В 1789 г. Александра Булгакова записали сержантом в Преображенский полк, а в 1796 г. он поступил юнкером в Коллегию иностранных дел и с 1802 г. состоял при миссии в Неаполе и Палермо. Жизнь в солнечной Италии не прошла даром – от Булгакова, по выражению Вяземского, несло «шумом, движением и близостью Везувия».

В 1809 г. Булгакова причислили к так называемым «архивным юношам» – служащим Московского архива Министерства иностранных дел, здание которого и по сей день украшает Хохловский переулок столицы.

Став чиновником для особых поручений при графе Ростопчине в мае 1812 г., Булгаков занял место одного из ближайших сотрудников нового московского генерал-губернатора, став его единомышленником. Обо всех принимаемых Ростопчиным мерах и даже о его несбывшихся планах Александр Яковлевич подробно писал своему брату, который 16 мая 1812 г. советовал ему: «Я был очень рад, мой милый друг, если бы ты мог служить с графом Ростопчиным, ибо по всему, что вижу, он питает к тебе дружбу, и пора уж, чтобы что-то сделали для тебя. Держись его, милый мой, он всегда делал добро: это ведь ему мы обязаны ассесорским званием».

Ростопчина не пришлось даже упрасивать «что-то сделать» для Александра Булгакова. Генерал-губернатор наговорил ему столько хорошего, что позволило Булгакову сделать вывод: «Фортуна улыбается, ибо граф нас любит не на шутку. Он хочет, чтобы я служил обязательно». А после того, как Ростопчин пообещал Булгакову «ревностно» продвигать его по службе, Александр Яковлевич догадался, что займет место начальника тайной канцелярии графа.

Из писем Булгакова мы узнаем о в основном положительной реакции московского населения на назначение Ростопчина: «Он уже неделю, как водворился. К великому удовольствию всего города». Со временем еще более укрепилась уверенность Булгакова, что Ростопчин это и есть тот человек, который так нужен сейчас Москве: «В графе вижу благородного человека и ревностнейшего патриота; обстоятельства же теперь такие, что стыдно русскому не служить и не помогать добрым людям, как Ростопчину, в пользу, которую стараются приносить отечеству», – писал он в июне 1812 г. брату.

Александр Булгаков успел эвакуироваться из Первопрестольной перед нашествием французов. А вернулся уже в октябре в сожженный и обглоданный французами город. 28 октября 1812 г. он вновь взялся за перо: «Я пишу тебе из Москвы или, лучше сказать, среди развалин ее. Нельзя смотреть без слез, без содрагания сердца на опустошенную, сожженную нашу золотоглавую мать. Теперь вижу я, что это не город был, но истинно мать, которая нас покоила, тешила, кормила и защищала. Всякий русский оканчивать здесь хотел жизнь Москвою, как

всякий христианин оканчивать хочет после того Царством Небесным. Храмы наши все осквернены были злодеями, кои поделали из них конюшни, винные погреба и проч. Нельзя представить себе буйства, безбожия, жестокости и наглости французов. Я непоколебим в мнении, что революция дала им чувства совсем особенные: изверги сии приучились ко всем злодеяниям... грабеж – единственное их упражнение. На всяком шагу находим мы доказательства зверства их».

Отставка Ростопчина в 1814 г. заставила Булгакова сожалеть об этом событии, по его признанию, «нарушающему мои делишки». Как показывают его письма к брату, более всего в этой ситуации он был обеспокоен своей дальнейшей судьбой, ведь граф наобещал ему золотые горы. В словах Булгакова сквозит даже обида на бывшего градоначальника, ничего не сделавшего для своих подчиненного. «Участь моя в том, – жалуется Булгаков, – чтобы пользоваться доверием и дружбою своих начальников, и не более того. Это отлично, но недоходно; что делать? Может быть, коего близкую дружбу заслужить я не буду иметь счастья, тот и делает мне более всех добра».

При следующем генерал-губернаторе Москвы – графе Тормасове, Булгаков сохранил свою должность, став в 1819 г. действительным статским советником. А при князе Д.В. Голицыне он дослужился до камергера, в 1826 г. И, наконец, в 1832 г. Булгаков, который «купался и плавал в письмах, как осетр в реке» (даже не верится, что в Оке когда-то водилась такая рыба), получил должность московского почт-директора, на которой просидел почти четверть века.

Булгаков (как и еще один герой этой книги – Шаликов) был неперменной составляющей московского общества. Он тесно общался с Пушкиным, Жуковским, Тургеневым, Дашковым, Воронцовым, Закревским и многими другими. Получая, отправляя и составляя письма, он был нужен всем. Московские дамы обращались к нему с просьбой переслать то или иное письмо, выписать из Парижа модный журнал. Члены Английского клуба спрашивали о том, что слышно в Петербурге. Булгаков считался первоисточником новостей в Первопрестольной, его не зря прозвали живой газетой – многие известия он узнавал первым, чтобы затем растрезвонить по всей Москве.

Вспомним гоголевский «Ревизор», а точнее, его начало, для того, чтобы понять значение Булгакова-почт-директора для Москвы. Почтмейстер Шпекин появляется уже во втором явлении и простодушно признается, что читает чужие письма «больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете» (очень даже похоже на Булгакова!). И далее: «Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь – так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях»!» Неслучайно, что причиной столь комичного конца «Ревизора» является тот же Шпекин с его привычкой совать нос в чужие письма. И про Булгакова говорили, что порою он не брезговал чтением чужих писем.

А какую неоценимую помощь оказали булгаковские письма пушкинистам в деле установления подробностей пребывания великого поэта в Москве! Булгаков жил неподалеку от четы Пушкиных – на Арбате, в доме 20, и был частым гостем у молодых супругов. Пускай иногда он и грешил отсебятиной, но тут, как говорится, не до жиру.

Василий Жуковский говорил Булгакову: «Ты создан быть почт-директором дружбы и великой Русской империи», «ты рожден гусем, т. е. твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без усталости писать с утра до вечера очень любезные письма». И потому сущей драмой стало для Булгакова в 1856 г. известие о его отлучении от почтовых дел и назначении в Сенат, что было вроде бы повышением по службе. Булгакову исполнилось тогда уже семьдесят пять лет. Некоторые современники даже посчитали отставку почт-директора обстоятельством, повлиявшим на скорую кончину Александра Яковлевича, последовавшую в 1863 г. в Дрездене.

Для нас значение Александра Булгакова выразил Петр Вяземский, отметив, что его переписка отразила «весь быт, все движение, государственное и общежительное, события, слухи, дела и сплетни, учреждения и лица, с верностью и живостью», превратившись в «стенографическую и животрепещущую историю текущего дня».

Представленный материал увидел свет в «Русском архиве» в 1864 г. и представляет собою публикацию бумаг, найденных в архиве покойного А.Я. Булгакова, в частности, известных, полученных из Москвы начиная с 6 сентября 1812 г.

Новые подлинные черты из истории отечественной войны 1812 года

1. Выписка известий из Москвы от 18-го сентября²¹

Опустошения и пожары продолжают; дома зажигаются, а потом стреляют в них ядрами, как бы в крепость. Сие учинено было с домами графа Растопчина, Остермана, Апраксина, графа Маркова, Пашкова, графа Панина и проч. В первом из сих жил Бертье, но через два дня оставил его, выехал из города, равно выехал и Мюрат из Баташова дома²².

Своевольства столь велики, что были наказываемы, но теперь и сам Себастиани приносящим жалобы признается, что он не в силах их удерживать. Все Французы ежедневно пьяны после обеда, и жители их убивают, тогда и зарывают, но число всех жертв невелико.

Обе Басманные и часть Покровки сожжены, равно обе стороны бульвара²³, Никитская, Тверская, Немецкая слобода, Сретенка, Арбат и Лубянка. Во всех церквах сделаны конюшни. От святых икон сдирают оклады, а потом кидают их на улицу. Кремль цел, и неизвестно, что там делается, ибо строгие караулы никого туда не впускают, а думают, что грабят соборы.

Французы опечалены и ожесточены, что не требуют у них мира, как им Наполеон то обещал по занятии Москвы, а потому разорениями и грабежами думают к миру понудить.

Наполеон был один только раз в Москве, а другие говорят, что и 15-го числа приезжал в солдатском плаще, но на короткое самое время. Он живет в Петровском дворце, где и гаупт-квартира.

У жителей отнимают рубашки и сапоги, мучат их разными работами, не кормя, и когда они умирают от голода и усталости, то берут на улицах и в домах других на их места. Удивительно то, что у самих Французов ежедневно бегают по 100 и более солдат. За ними нет никакого присмотра, и они не слушают начальников своих. Ежедневно расстреливают за неповиновение.

Армия наша вся по Калужской дороге, французская также в 10 верстах от города и в 22-х от нашей гаупт-квартиры, в Красной Пахре.

Отделенный в Можайск, генерал майор Дорохов с 16 000 чел. кавалерии, отрезал у Французов сообщение с Францией. Он перехватил 16 фур, нагруженных золотом и серебром, кои посылались в Париж. Также перехвачен курьер с письмом Наполеона к сенату, где он говорит, что Москва не представляет тех выгод, которых он ожидал, и в негодовании, что не присылают ему снарядов, которым 1-го сентября надлежало уже быть в армии. Он прибавляет, что чиновники будут за то ответственны своими головами. По всему ясно видно, что мир ему очень нужен и что устойчивость Русских не делать к тому никаких домогательств его приводит в большее ожесточение на Москву.

Говорят, что генерал Милорадович брался осадить Петровский дворец ночью и взять Наполеона живого или мертвого, но что князь Кутузов на то не согласился.

---

²¹ Здесь и далее указаны даты по старому стилю.

²² Усадьба Баташева (Яузская ул., дом 11) была построена в 1796–1802 гг. для богатейшего российского заводчика И.Р. Баташева. Вскоре после начала оккупации усадьбу выбрал для своего проживания маршал Мюрат, однако пожар заставил маршала и его свиту покинуть дом. При этом французы не преминули захватить с собою и наиболее ценное имущество усадьбы, которое не удалось эвакуировать Баташеву. Усадьба значительно пострадала от пожара, позднее восстановлена. В настоящее время – городская больница № 23.

²³ Имеется в виду Тверской бульвар.

В Москве прибита афиша на французском и русском языках, в коей говорят, что известие, распускаемое, будто бы Молдавская армия имеет соединиться с Кутузовскою 25-го сентября, не справедливо, что Молдавская армия еще в Бухареште, не почитая мир с Турками прочным, что она состоит из 25 000 человек только, что слухи сии распускаются только для ободрения нашей армии, разбитой и побежденной, и для жителей Московских и проч.

Все радуются морозам в Москве, ибо улицы завалены мертвыми телами, коих и не хоронят.

Еще сказывал мне офицер, бежавший из Москвы, что прекрасный дом графа Разумовского на Гороховом поле с садом сожжен, а равно дома всех присутствующих в комитетах и многих других²⁴. Также сожжен театр²⁵.

На всех домах богоугодных заведений Наполеон написал «Maison de ma mere»²⁶, также и в сумасшедшем доме, не знают, что он сим разуместь хочет.

Церковь и кладбище раскольников целы, потому что они встретили Французов с хлебом и солью и просили пощады.

Преосвященный Платон, узнав о взятии Москвы, умер апоплексическим ударом в церкви, в Вифании²⁷.

2. Перечень известий из Москвы и окрестностей ее от 20-го сентября

Бывший содержатель пансиона в Москве Villers сделан обер-полицмейстером²⁸, а Обер-муж торговли Шалме, сделан плац-майором. У сей большие столы, и всякий день обедают генералы и другие чиновники²⁹.

²⁴ Деревянный дом для графа А.К. Разумовского был выстроен на Гороховом поле по проекту арх. А.А. Менеласа в 1799–1802 гг. Главный корпус был деревянным, боковые корпуса – каменными. Ныне это дом 18 по улице Казакова.

²⁵ Арбатский театр стоял в начале современного Гоголевского бульвара.

²⁶ «Дом мэра».

²⁷ Спасо-Вифанский мужской монастырь в Сергиевом Посаде.

²⁸ Это тот самый магистр Московского университета Виллерс, что припал к стопам французского императора уже 2 сентября на Поклонной горе. Один из ярких примеров коллаборационизма и предательства. Виллерс не только сам вызвался служить оккупантам обер-полицмейстером, но и составил список подобных себе отщепенцев, которых французы могли бы назначить комиссарами московской полиции. Активно участвовал в проведении оккупационной политики. Бежал вместе с французами, однако, был пойман и арестован. Пользуясь личными связями избежал наказания, хотя по результатам расследования был приговорен к ссылке в Сибирь.

²⁹ О семье Оберов не раз упоминается в этой книге. Николай Обер и его жена Мари-Роз Обер-Шальме имели в Москве магазины модной одежды, один из них находился на Кузнецком мосту, другой в принадлежавшем им доме в Глинищевском переулке (ныне дом 6). Один из самых дорогих в Москве магазин отличался непомерными ценами на продаваемые товары, а его хозяйка угодила в роман «Война и мир» – именно к ней старуха Ахросимова повезла одевать дочерей графа Ростова: «На другой день утром Марья Дмитриевна свозила барышень к Иверской и к т-те Обер-Шальме, которая так боялась Марьи Дмитриевны, что всегда в убыток уступала ей наряды, только бы поскорее выжить ее от себя». Мать А.С. Пушкина Надежда Осиповна тоже приезжала к Обер-Шальме за покупками, когда своих маленьких детей Сашу и Олю надумала она учить танцам. Фамилию предприимчивой француженки москвичи искорежили на Обер-Шельме, некоторые даже полагают, что само слово шельма пошло в народ с того времени. А между тем состояние Оберов перед войной достигло полумиллиона рублей! Когда увлечение всем французским стало приравняться к измене, и вывески на вражеском языке стали сбивать с фасадов, модные магазины позакрывались. В 1812 г. Николая Обера выслали из Москвы, а вот его жену с двумя сыновьями оставили. Сие странное обстоятельство породило немало обывательских толков. Как пишет Лев Толстой в третьем томе своей эпопеи, граф Ф.В. Растопчин, выславший всех французов из Москвы, оставил в городе «г-жу Обер-Шальме, составлявшую центр всего французского московского населения». Неудивительно, что Обер-Шальме посчитали французской шпионкой. Когда Наполеон занял Петровский дворец, одной из первых, кого он вызвал к себе, была... госпожа Обер-Шальме. «Легко представить, каким печальным размышлениям должен был он предаваться в своем Петровском дворце; по всей видимости, он не смыкал глаз, как и все несчастные жертвы этой несчастной ночи, потому что около шести часов утра один из его адъютантов отправился в ближайший лагерь и просил от его имени г-жу О*** явиться к нему. В первые попавшиеся дрожки запрягли скверную лошадь, и адъютант провожал г-жу О***, которая отправилась, как была, в своем лагерном костюме. У ворот дворца встретил их маршал Мортье, подал ей руку и провел ее до большой залы, куда она вошла одна. Бонапарте ждал ее там, в амбразуре окна. Когда она вошла, он сказал ей: «Вы очень несчастливы, как я слышал?» Затем начался разговор наедине,

Вот форма пропуска печатного, данного женщине, служащей у актрисы Носовой: «Place de Moscou. Par ordre de S.M.l'Empereur, le commandant de la place de Moscou, le general de division et comte de l'empire a toutes les patrouilles et detachements de l'armee franzaise. – La signora Aksinia, nourice, sera respectee dans sa personne et dans ses proprietes; en foi de quoi etc». Подписано le comte de Sebastiani³⁰.

Полагать должно, что мало или нет изменников, ибо в Москве один только переводчик. Человек князя И.М.Д. приходил к Мюрату жаловаться на буйства солдат, живущих в доме его господина, но узнал, что Мюрат с ним говорить не может, потому что переводчик послан в Кремль с препоручениями, а человеку велено приходиться на другой день, в 8 часов поутру.

Сей же человек описывает своему господину виденное им самоглазно: за алтарем Архангельского собора спит французская кухарка, возле окна готовит она и кушанье, она сшила себе платье из риз поповских, бархатных и других. Да и сами Французы, когда дождливое время, показываются на улицах в священнических облачениях, дабы сберечь свои мундиры. Наглости всякого рода и ругательства, чинимые в церквях, столь безбожны, что перо не смеет их описывать: оне превышают всякое воображение. Поведение сие непонятно, ибо сим Французы более еще раздражают народ против себя.

Некоторые ряды заняты Французами, кои посадили туда своих жен, а сии торгуют мехами, полотнами, сукнами и продают все за самую сходную цену, но на серебро. Корысть сего торгова начинает привлекать несколько людей в Москву. Цирик чаю можно иметь за 15 р., тогда как за хлеб платят Французы по два, по три и даже по пяти целковых. Чай, сахар и кофе валяются по улицам. Французы берут ящики и набивают их другим.

Вышеупомянутый человек видел сам князя Петра Алексеевича Волконского, Степана Абрамовича Лопухина и князя Дмитрия Васильевича Голицына, таскающих на плечах своих кули. Французы погоняли их, крича: ало! ало! – Неизвестно, как они остались в Москве, но

состоявший из вопросов и ответов и продолжавшийся около часу, после чего г-жу О^{***} отпустили и отправили ее с такими же церемониями, с какими она была встречена», – писал еще один «москвич» с трудно произносимыми именем и фамилией шевалье Франсуа Жозеф д'Изарн де Вильфор: «...Не знаешь, что и подумать о великом человеке, который спрашивает, и кого же, г-жу О^{***}, о предметах политики, администрации и ищет совета для своих действий у женщины!» – удивлялся много лет спустя де Вильфор. Отсюда и пошла слава Мари Обер-Шальме как французской лазутчицы. Беседа с императором тянулась целый час. Де Вильфор отметил, что ответы Обер-Шальме «показывают здравый смысл и большое беспристрастие. Так, например, Бонапарте спросил, что она думает об идее освободить крестьян? – Я думаю, Ваше Величество, что одна треть из них, быть может, оценит это благодеяние, остальные две трети не поймут, пожалуй, что вы хотите сказать этим. Тут Бонапарте поинтересовался табаком, что он делал всегда, встречая какое-нибудь противоречие». Граф Алексей Уваров дополняет рассказ шевалье: «Несчастная заплатила ужасной ценой за роковую честь поговорить с современным Чингис-Ханом... Когда французская армия покинула Москву, она последовала за отступающим войском с своими детьми. Это семейство выстрадало столько же, сколько и другие беглецы; рассказывать об этом было бы ужасно... Она умерла от тифа; есть основания предполагать, что яд сократил ее дни». Как писал П.И. Бартенев, «эта обирательница русских барынь заведовала столом Наполеона и не нашла ничего лучше, как устроить кухню в Архангельском соборе. Она последовала за остатками великой армии и погибла с нею». В самом доме Оберов в Глинищевском переулке в то время, пока его хлебосольная хозяйка угощала Наполеона в Кремле, размещался высокопоставленный французский генерал со своей свитой, и, быть может, потому здание не пострадало от пожара. Не успев освободить крестьян от крепостного права, Наполеон оставил Москву. Вместе с благодетелем бежал и французский генерал, и госпожа О^{***}. Обер-Шальме как особа, приближенная к императору, сломя голову неслась вместе с французской армией по бескрайним просторам как всегда долго запрягающей России. С кухаркой Бонапарте были и два ее сына Федор и Лаврентий, родившиеся в Москве и добравшиеся уже после смерти матери во Францию. Особняк в Глинищевском опустел, но не надолго. А в Москве подсчитывали убытки. Одним из немногих уцелевших домов был бывший особняк Обера. Его и заняла канцелярия московского обер-полицмейстера Ивашкина. Граф Ростопчин приказал ему: «...Магазин Обер-Шальме... конфисковать и продать с публичного торгу, вырученные же деньги употребить на вспоможение разоренным московским жителям». Не прошло и пяти лет после окончания войны, как уцелевшие Оберы – Николай и два его подростки сына – вернулись в наш гостеприимный город. Москва оказалась не злопамятной. Да и понять возвращенцев можно – родились мальчишки в России, тянуло их на родину. Дом в Глинищевском опять стал принадлежать французам-эмигрантам. После смерти Николая Обера в 1826 г. особняк перешел по наследству одному из его сыновей – Лаврентию. С него-то и начинается «пушкинский» период в истории здания. В находившейся здесь гостинице поэт останавливался шесть раз.

³⁰ «Москва. По приказанию Е.В. Императора, московский комендант, дивизионный генерал и имперский граф всем патрулям и отрядам Французской армии. Личность и собственность синьоры Аксиньи, кормилицы, имеют быть уважаемы; в удостоверение чего и т. д. Граф Себастиани».

слышано только, что на Голицына приходили люди жаловаться в тиранстве, и что они его не выпустили из Москвы.

Усердие аптекаря Нордберга заставило его остаться в Москве для шпионства. Здесь прилагается последний его бюллетень, по коему видно, что Французы оставляют, и очень поспешно, Москву, пробираясь по Смоленской дороге во Францию, откуда получены худые известия. Бюллетень сей получен на передовых наших постах по Владимирской дороге³¹.

Обнародована в Москве афиша, коею все помещики приглашаются возвратиться в Москву, но сие объявление не произвело ни малейшего действия, тем паче что ни один помещик не может надеяться найти себе убежище.

В день коронации³² у Никиты Мученика и в двух других церквях была служба и по позволению начальства благовестили. Стечение народа было чрезвычайное, но как по расхищению книг, сосудов, по недостатку просвир и вина нельзя было служить обедни, то были токмо часы с водосвятием.

В Церкви Спаса, что в Рогожской, протопоп вышел к Французам с крестом и сказал им по-французски: «Prenez tout notre avoir, mais respectez le temple de Dieu!...»³³. Он хотел продолжать, но пал, изрубленный руками злодеев.

Ту же участь имели два попа в Андроньеве монастыре: они сделались жертвою своего усердия ко храму Всевышнего, их разрубили в куски, а монастырь был сожжен³⁴.

Сыщик Яковлев, разъезжавший в последние дни с афишами, приглашавшими всех жителей окрестностей Москвы идти туда на подкрепление армии с вилами, косами, топорами и пр., прибыл на кожевенный большой завод и, смотря на здание и магазины, сказал: «Вот и это надобно бы покрыть красною краскою». – «Что это значит?» – спросили у него. – «А то, что надобно это сжечь». – «Как! – отвечал ему достойный надзиратель, Филипп Михайлович... – мне препоручено это хранить, а я сожгу?!.. Поднимется ли чья рука жечь первый в России кожевенный завод? Знаешь ли ты, г-н сыщик, что у меня тут добра на полтора миллиона, что я должен это доставить в армию и что мы все скорее умрем здесь, нежели отдадим солдатское добро? – А ты изволь отсюда убираться, а то мы тебя выколотим палками за твои речи».

3. Донесение аптекаря Нордберга

Господам начальникам войска его императорского величества государя императора Всероссийского, расположенным по Владимирской дороге и в самом городе Владимире.

Проводя жену и детей моих в безопасность от огня и неистовства врага нашего, коим подвержена была Москва с 13-го по 17-е число, возвратился в Москву и готов жертвовать Государю и отечеству жизнью.

15-го числа. Рекогносцировал я положение неприятеля внутри и вне города, поелику то сделать можно без подозрения и опасности. Собственное исследование мое и подтверждение некоторых умных и благорасположенных к нам Англичан утвердило заключение мое, что гарнизон неприятельский едва ли составляет 15 000 человек мерзкого войска, питавшегося сперва грабежом остатков после пожара, а ныне подаянием милостыни.

Заставы по всем дорогам предохранены весьма слабыми пикетами. Полки артиллерии, состоящей по большей части из осадных пушек, расположены по всем заставам, в отдаленности от бивака, ближе к городу. Число всех орудий неприятельских простираться может до 300.

---

³¹ Приводится ниже.

³² 15-го сентября отмечался день коронации Александра I.

³³ Возьмите все наше имущество, но сохраните уважение к храму Божьему.

³⁴ Оккупанты разорили собор Спасо-Андроникова монастыря, а затем подожгли его. Были также осквернены иконостас и мощи прп. Андроника и Саввы, разграблена монастырская ризница.

16-го. Имея случай познакомиться с некоторыми Германскими штаб- и обер-офицерами, коими принят был дружески и угощаем, в самое сие время, пополудни часу в 8-м, прибежав к ним, адъютант объявил им поспешнейший подход, и всюду на барабанах и трубах слышен был сбор. Всю ночь шли войска и обозы.

17-го. Все улицы были пусты от грабителей. Перед обедней шел полк вольтижеров, состоящий из 300 человек, кои были в туфлях, лаптях, за ними следовал лазарет на 30 повозках. Они следовали из Лефортовской части по новой Басманной на Смоленскую дорогу. Из других частей города шла конница, кою я лично увидеть не успел. Артиллерия еще осталась по своим местам.

18-го. Оказалась по всем улицам совершенная тишина, и я уже у ближайших застав не нашел ни пикета, ни пушек. Король Неаполитанский выехал 17-го, а Бонапарте сегодня в 12 часов еще был в Кремле. Лошади и люди неприятельские заморены до бесконечности, ибо в Москве взять было нечего.

Неприятельские офицеры сами мне сказывали: «Мы со стыдом оставляем Москву». Некто из Ганноверских офицеров сказывал, что 18-го числа неприятель получил депеши, что Париж взят соединенною армиею Англичан и Гишпанцев. Дай Бог, чтоб сие подтвердилось! Кажется, что оно достоверно, ибо неприятель идет не вперед, а поспешно назад.

Подателю сего я приказал сие открытое донесение показать на первом poste, с тем чтобы начальнику онаго по важности содержания его отправить его к командиру генералу как можно поспешнее вместе с посланным моим, который о всех подробностях, кои здесь не помещены, объяснять будет изустно.

Когда податель донесение сие доставит вам, г-ну генералу, то, его превосходительство, прошу дать ему обещанные мною 100 р.

Москва без всякой защиты от новых грабительств. Я готов сделать всякое пособие, но мне потребна скорая помощь.

Его величества всемилостивейшего государя верный подданный из Финляндцев, коллежский советник Иван Нордберг.

В Москве; 18 сентября 1812.

Уповательно, что вся неприятельская армия будет возвращена.

Списано с копии, которую с оригиналом сверял исправник Барыков.

4. Перечень известий из Москвы по 3-е октября

Французы публиковали, что зажигальщикам домов будут выдаваемы денежные вознаграждения. Для получения оных явилось пьяных бродяг человек с восемь, но вместо того, чтобы сдержать обещанное слово, Французы их всех повесили на бульваре.

Недостаток в пище столь велик в самом городе, что едят ворон и галок. В Люблине, у г-на Дурасова, живет один французский генерал и пользуется найденными там припасами, вином. Три приятеля у него обедали. Как скоро узнали в Москве, что в Люблине хорош стол, то все стали туда ездить обедать, и 29-го числа было за столом человек с 40 одних генералов³⁵.

По приглашению Наполеона, сделанному на двух языках Московским интендантом Лес-сепсом, съезжаться в город на рынки с припасами съестными приехали подмосковные мужики графа Шереметева на 30-ти подводах с овсом и мукою. Все у них было раскуплено тотчас, и им даны награждения, велено ехать домой и опять приезжать. Едва выехали мужики за город, как сами же Французы на них напали, били их, отняли лошадей, а мужиков погнали в Москву обратно работать.

---

³⁵ Бригадир и действительный статский советник Н.А. Дурасов (1760–1818) в это время находился в Симбирской губернии. В Москве его знали как редкого хлебосола, потому и запасы его Люблинской усадьбы оказались так велики.

Нет уже сомнения, что Кремль подкапывают, чтобы взорвать на воздух, возят туда множество пороха, а оттуда вывозят землю. Одни Французы там работают, и в Кремль не пускают даже Немцев и Поляков-союзников.

Шталмейстер Загряжский, умышленно оставшийся в Москве, прислуживает Французам и бывает часто у Наполеона, в шитом своем мундире³⁶.

Московский купец Лаврентий Осипов поднес Наполеону много серебра на блюде. Дом его не велено трогать, а ему препоручено продовольствие города. Он брался с тем, чтобы ему дали нужное число подвод, но Наполеон велел ему сказать, что он сих уговоров не знает и что велит его повесить³⁷.

С Ивановской колокольни крест снят, а равно и глава, и поставлен там телеграф.

В Москве была слышна 2-го необычайная пальба целый день по Петербургской и Смоленской дороге. Французы были в большом унынии целый день.

14 000 неприятельского войска, бывшего с маршалом Неем в Богородске, бежало вдруг в Москву с таковой поспешностию, что брошены были телеги с сухарями и порохом, и уведены токмо отпряженные от них лошади, ранцы, сушившееся белье – все было брошено. Причина сего скоростного бега должна быть важна.

Отряд корпуса г. Винценгероде разбил Французов, бывших в числе 3000 сл. 4-мя пушками, в Дмитрове, и выгнал их из города с большою потерей убитыми и ранеными и пленными.

Верейские, Можайские и Ружские и других городов мужики ездят на Бородинское поле сражения, собирают там лежащие ружья и другие оружия и раздают их подмосковным мужикам, знакомым – безденежно, а прочим продают за самую дешевую цену, как-то: 10 коп. за ружье, 2 коп. за пику и проч. Таким образом значительное число крестьян вооружено и действует ежедневно на пагубу врагов. Все почти французские фуражиры попадают в руки крестьян, кои их или убивают, или отсылают партиями в ближайшие казацкие посты. Французы очень жалуются на сие, говоря, что сей образ делать войну противен всем постановлениям военным. Также жаловался г-ну Милорадовичу Неаполитанский король, что по нему стреляют, когда он объезжает свои передовые посты.

Открыты три кабака в Москве, работу производят в них Русские, а деньги собирают Французы.

Выходец один, аптекарь арбатский, оставивший Москву 4-го числа октября, видел въезд Наполеона в город, 3-го числа поутру, в десять часов. Все было пусто на улицах, и у окон не было ни одного лица. Наполеон ехал верхом, в сером капоте, без знаков отличия, с маленькою трехуголкою.

5. Краткая записка оставшимся в целости зданиям в Москве

От Никитских до Тверских ворот – 8 домов; от них вниз до Охотного ряда – большая часть строений целы. Равно Малая Дмитровка, Кузнецкая, Лубянка, часть Сретенки, Мясницкая, Покровка, Воспитательный дом, Шереметева странноприимный дом, вся почти линия от Тверских до Покровских ворот, также по левой стороне от них, около Харитонья в Огородниках, на Гороховом поле и дом графа Разумовского остались целы. В Немецкой слободе и в других улицах: дом, где главный военный госпиталь, казенные казармы; на Старой Басманной – дом графа Румянцева, Демидова, князя Куракина, Салтыкова, Аникеева, купца Александрова; на Новой Басманной – княгини Куракиной; на Гороховой улице – купцов: Суслова, Александрова, Колокольникова, г-жи Волковой, Мацеевой, Зверевой, купца Сухова и более 200 домов мастеровых иностранцев не повреждены пожаром. За Москвой-рекой, в частях: Новин-

---

³⁶ Загряжский Н.А. (1743–1821) был камергером еще при Павле I.

³⁷ Осипов Л.И. (1762–1825), купец, старообрядец.

ской, Пятницкой, Якиманской, Пречистенской и Хамовнической осталось в целости около 700 домов. Хамовнические казармы, Голицинская, Петропавловская больница, скотный двор, принадлежащий Воспитательному дому, винный магазин, почти все монастыри и все церкви охранялись от пожара. В Кремле все соборы, Иван Великий, сенат, оружейная новая и частию арсенал целы. На Пречистенке один дом Львова цел, и у Арбатских ворот – дом князя Хованского. Половина Тверской цела.

Стараниями и умными распоряжениями г. м. Бенкендорфа порядок в городе совершенно восстановлен. Почти все мертвые тела и лошади похоронены, отчего миновалась бывшая в городе сильная вонь. Город – под управлением трех временных полицмейстеров: полковников Гурича, Оленина и майора Гельмана до прибытия московских чиновников.

Все те, кои служили Французам, числом 53 человека, взяты под надзор.

Сперва резал народ остававшихся Французов, но теперь говорят: не стоит рук марать. Мужики отдают их живых казакам на руки.

Из повозок генералов и даже фельдмаршалов берут, по приказанию Наполеона, лошадей и впрягают их в пушки, со всем тем много оных находят брошенных по дорогам.

К. Кутузов с главною квартирою – в селе Дьякове, между Старым Ярославцем и Калугой, и идет к Медыни, а Наполеон вынужден пробираться к Можайску.

Бонапарте хотел уехать во Францию, оставляя армию Бертье на руки, но сей отказался, а равно Даву, Мортье и Ней и объявили, что и они уедут, ежели он армию оставит. Он объявил, что пойдет с гвардиею своею зимовать в Варшаву, но и на сие генералы и так бунтуют и их не слушают.

По перехваченным письмам Наполеона, и кои все посланы к Государю, видно, что он с 27-го августа не имеет известий из Франции. Также перехвачены все планы намереваемых им операций, что и послужило к одержанной г.л. Витгенштейном победе, коею взят штурмом Полоцк и за кою пожалован генералом от кавалерии.

В Москву стекается множество народа и привозят всего в изобилии, но продают довольно дорого еще.

Найдено в казенной палате и в банке меди на 563 000 р. Деньги сии к удивлению уцелели, но из оных наши мужики успели вывезти 17 000 р., кои большею частию уже отысканы.

Соборы и все церкви заперты до прибытия Августина³⁸.

Из Чудова монастыря выгнали лошадь, которая тотчас издохла: видно, была там забыта Французами.

Наполеон призывал к себе г-на Тутолмина, остававшегося в Воспитательном доме, и сказал ему: «Вы видели сами пожары, в Москве горевшие. Напишите вашему Императору, что это не я зажигал, а зажег все гр. Растопчин». На что Тутолмин отвечал: «Император не поверит мне, чтоб гр. Растопчин зажег город, где у него у самого два дома; а ежели это так или инако, Государь без меня узнает истину». После сего ответа Тутолмин был прогнан.

Оставлено неприятелем орудий и воинских снарядов:

В Кремле:

2 орудия с лафетами, кроме больших, оставленных по-прежнему у ворот арсенала. 2 – без лафета.

204 ящика с патронами и пушечными зарядами.

6 лафетов.

39 понтонных лодок.

7 лафетов с канатами и якорями.

---

³⁸ Августин (Виноградский) (1766–1819) исполнял обязанности митрополита Московского с июня 1812 г. вместо заболевшего митрополита Платона.

9 кузниц.
53 полковые фуры.
8 фур с лопатами и кирками.

В укреплённом им Новодевичьем монастыре: 2 пушки. 3 бочонка пороху.

6. Ведомость о существующих³⁹ в Московской столице церквах, казенных и обывательских домах, 1812 года

Церквей – 329.
Монастырей – 24.
Кладбищ – 8.
Часовен – 33.
Домов каменных – 2567, деревянных – 6584.
Казарм для войска – 8.
Конюшен для кавалерии – 7.
Смирительный дом – 1.
Богоугодных заведений – 17.
Фабрик и заводов – 464.
Торговых рядов – 192.
В них лавок каменных – 6324, деревянных – 2197.
Аптек казенных – 4, партикулярных – 17.
Университет – 1.
Академий – 3.
Гимназия – 1.
Пансионов – 24.
Школ – 22.
Театр – 1.
Клубов – 2.
Благородных и купеческих собраний – 2.
Гербергов – 41⁴⁰.
Съестных трактиров – 166.
Кофейных домов – 14.
Фражских погребов⁴¹ – 227.
Полпивных продаж⁴² – 118.
Питейных домов – 200.
Кухмистерских столов⁴³ – 17.
Хлебных изб – 162.
Харчевен – 145.
Блинней – 213.
Постоялых дворов – 568.
Кузниц – 316.
Бань торговых – 41,

---

³⁹ Т.е. существовавших до пожара.

⁴⁰ Имеются в виду рестораны.

⁴¹ Погреба с заморскими винами.

⁴² Полпиво – легкое пиво.

⁴³ Столовые без подачи спиртного.

домовых – 1197.
Мостов каменных – 17,
деревянных – 21.
Каменной мостовой, казенной – 7139 кв. саж.,
городской – 19.326,
обывательской – 572,289 1/8.
Фонарей по улицам – 7294.
Будок – 360.
Боев – 7.

7. Записка о майоре французской службы, Александре Шмидте, составленная для гр. Нессельроде А.Я. Булгаковым

Перевод с французского

По выходе Французов из Москвы большая часть их больных и раненых была оставлена в Голицынской больнице, где они находились на попечении доктора Альбини, до настоящего времени стоящего во главе этого благотворительного заведения. Как только законные власти вступили в отправление своих должностей, гр. Ростопчин получил записку, в которой извещали его, что один французский офицер, находящийся в Голицынской больнице, желает его видеть и сделать ему важные сообщения⁴⁴. Гр. Ростопчин, боясь, чтоб появление его в больнице не наделало большого шума и чтоб особый разговор с одним из офицеров не навлек на сего последнего подозрений со стороны его товарищей, отвечал, что не имея возможности прибыть лично, он посылает вместо себя одного из своих чиновников, с которым офицер этот может объясниться с полною откровенностью. Действ. стат. сов. Булгаков (тогда надворн. сов.) отправился с запиской графа в больницу под предлогом осмотра по поручению своего начальника, хорошо ли содержатся французские пленные и больные. Один из них подошел к Булгакову и спросил: получил ли граф от него письмо, в котором он просил не оставить его без известий от родных, от которых ждет денег. Поняв в чем дело, Булгаков отвечал утвердительно и прибавил, что граф поручил ему доставить ему средства писать к родным, и что, если он желает это сделать, то может воспользоваться для этого квартирой г-на Альбини. После обхода больницы Булгаков зашел к г-ну Альбини. Тут офицер объявил ему, что зовут его Александром Шмидтом, что он состоял при генеральном штабе французской армии в звании майора, что он притворился больным с целью остаться в Москве, что он предвидел гибель, грозившую Наполеону, что он решился воспользоваться представившимся случаем и ныне же перестает принимать участие в деле, ему противном и с которым связан был лишь по необходимости, и что он может сообщить весьма важные сведения о французской армии. Благодаря своей необычной памяти Шмидт переименовал все полки, которые входили в состав «великой армии», и исчислил все потери ранеными и убитыми, которые потерпела эта армия во всех сражениях, предшествовавших занятию Москвы. Из сведений, сообщенных Шмидтом, Булгаков составил записку, которая была дополнена при последующих свиданиях с этим офицером. Все это составило брошюру, которую гр. Ростопчин напечатал впоследствии под заглавием: «Подробный список всех корпусов, составлявших армию, вошедшую в Российские пределы под предводительством Наполеона Бонапарте, с присовокуплением потерь, понесенных армиею сею убитыми и ранеными во всех сражениях до Бородинского, – составленный из бумаг, оставленных Французами в Москве».

---

⁴⁴ Голицынская больница была открыта в Москве в 1802 г. (ныне в составе Первой Градской больницы на Ленинском пр-те).

Вскоре Шмидт сбросил маску и вышел из больницы. Так как он был большой говорун, участвовал во всех войнах со времен революции, знал множество анекдотов о маршалах, генералах и других более известных офицерах французской армии, – он был хорошо принят в нескольких домах и долгое время жил у г-жи Корсаковой и других русских бар, то в городе, то в деревне⁴⁵.

В 1813 году государь император повелел формирование немецкого легиона. Шмидт выразил гр. Ростопчину желание поступить в него. Граф снабдил его рекомендательным письмом к его высочеству⁴⁶. Шмидт уехал; и в продолжение некоторого времени об нем не было никакого слуха. Во время реставрации он возвратился во Францию и вступил в королевскую службу; потом вышел в отставку и уехал в Константинополь, где неосторожным своим поведением обратил на себя внимание бар. Строгонова, который хотя по-видимому и не нашел ничего предосудительного в захваченных у него бумагах, но тем не менее настоял на том, чтобы он выехал из Константинополя. Шмидт отправился в Грецию, Египет и Нубию, блуждал по пустыням, долго оставался в этих странах, выдавал себя за медика, практиковал, заработал несколько денег и отправился в Варварийские владения. Узнав, что в Испании возгорелась междоусобная война, он переправился на Европейский берег и вступил в ряды армии под знаменами «апостольской партии».

Шмидт – швейцарский уроженец. Ему должно быть около 50 лет, он довольно красивой наружности, груб, необразован и невосдержан. Он говорит на многих языках, но пишет одинаково дурно на всех, равно как и на французском. Он долго служил в Испании и знает страну как нельзя лучше, он очень храбр и весь изранен. Я не думаю, чтобы можно было возложить на него поручение, при исполнении которого потребовались бы осторожность, последовательность и сведения, но он отличный партизан, способный на блистательный и отчаянный подвиг, словом – рубака. Во время пребывания своего в Москве он казался искренним роялистом и выказывал ненависть к якобинцам всех стран. Он весьма деятелен и вкрадчив. Самый неоцененный дар, которым наградила его природа, – это громадная память: он помнит хронологию всех замечательных событий войны, название мест всех сражений, нумера полков и имена всех генералов и офицеров, имевших какое-либо командование во французской армии.

Вот все, что сохранилось в моей памяти касательно этой личности.

8. Запросы, кои надобно мне⁴⁷ сделать Шмидту по приказанию графа Ростопчина

1. Когда для войны 1812 года Наполеон потребовал от вассальных королей их контингентов, сообщил ли он им свое намерение начать войну против России? Не выставил ли он другого предлога?

2. В чем приблизительно заключалась прокламация Наполеона при переходе через Неман?

3. Как поступил он с Поляками, и что обещал он им при начале войны?

4. Какое было настроение французского солдата при вступлении в Россию?

5. Производили ли Французы беспорядки во время прохождения своего через герцогство Варшавское?

6. Что говорили в Вильне о намерениях Наполеона и о плане похода?

7. Что говорили Французы, и как объясняли они постоянное отступление Русских?

---

⁴⁵ Дом М.И. Римской-Корсаковой стоял на Страстной площади, известен как «Дом Фамусова». Снесен в 1968 г. при постройке нового здания «Известий».

⁴⁶ Принцу Ольденбургскому.

⁴⁷ Т.е. А.Я. Булгакову; подлинник по-французски.

8. Были ли у Французов хорошие шпионы?
9. Что говорили о поражении Удино? Не расстроило ли оно планов Наполеона?
10. Что говорилось о мире Русских с Турками?
11. Были ли военные советы до и после взятия Смоленска? Мнения Наполеона разделялись ли его маршалами? Одобрял ли Бертье план похода, и какое было его мнение?
12. Почему Французы не остановились в Смоленске?
13. Какое понятие составляли себе Французы о Москве, о русской армии и о крестьянах?
14. Правильно ли продовольствовалась армия или нет?
15. Каким образом производилось продовольствие армии?
16. Как и где собственно начала нуждаться французская армия?
17. Много ли было в армии мародеров и отсталых? Приблизительное число их. Отправлялись ли за ними в поиски? Какие принимались против этого меры? Мародерствовали ли враспыленную или партиями?
18. Какова была численность французской армии при вступлении в Москву?
19. В каких случаях казаки наносили всего более вреда Французами?
20. Какое имеют об них мнение Французы?
21. До вступления в Москву имели ли Французы какое-либо понятие о графе Ростопчине?
22. Что было главнейшей причиной ненависти Наполеона к графу? Французская армия искренно ли разделяла эту ненависть, и почему?
23. Надеялись ли, что исход войны будет благоприятен для Французов?
24. Что делали Австрийцы, и какого рода были отношения к ним Французов и Наполеона?
25. Почему Баварцы, Саксонцы и большая часть союзников обнаружили столько рвения к интересам Наполеона?
26. Когда, где и за что был отослан от армии Вестфальский король?
27. Почему Французы не принудили Русских к генеральному сражению до Можайска?
28. Есть ли в среде французской армии сторонники Русских? Кто из маршалов и генералов их всего более ненавидит?
29. Какие чувства питает к Русским французский солдат?
30. Как понимали исход сражения под Можайском? Какие меры принял в этом случае Наполеон? С какой целью дал он сражение, когда он мог избежать его, обойдя Русских и направясь прямо в Москву?
31. Зачем под Бородиным Французы так упорно старались занять русские батареи?
32. Произведен ли грабеж в Москве по приказанию или только с дозволения Наполеона?
33. Был ли назначен срок грабежу?
34. Вся ли армия приняла в нем участие или нет?
35. Сожжена ли Москва по приказанию или только с дозволения Наполеона?
36. Кому поручено было это дело?
37. Что побудило Наполеона так долго оставаться в Москве?
38. Какие были его надежды?
39. Думал ли он зимовать в Москве?
40. Много ли он нашел в Москве запасов?
41. Оказало ли некоторую пользу временное правление, учрежденное Французами в Москве?
42. Пытались ли Французы завербовать Русских в свои войска?
43. Действительно ли расстреляли Французы нескольких грабителей и поджигателей?
44. Что главнейшим образом заставило Наполеона оставить Москву?
45. Сколько потерял он кавалерии в Москве?

46. Когда велел Наполеон заложить мины под Кремлем?
47. Что помешало успешному действию мин?
48. Ожидал ли он в Москве подкреплений?
49. Какие были главные причины неудач походов 1812 и 1813 годов?
50. Казалось ли Французам их положение в Москве безнадежным?
51. Какие слухи распространял Наполеон для успокоения своих солдат?
52. Как происходило отступление Французов?
53. Какие были, по мнению искуснейших генералов, главнейшие ошибки Наполеона в этой войне?

9. Объяснительные ответы

1. Когда Наполеон потребовал от вассальных королей их контингентов, то он объявил им, что одна из континентальных держав замышляет уничтожить самостоятельность их государств и подчинить их древнему игу Германской империи, но он скрыл от них, что его требование могло иметь в виду наступательные действия против России.

2. Прокламация Наполеона к армии перед переходом через Неман заключалась в следующем: Россия не выполнила своих обязательств в отношении к Франции, которая основывала свои требования на мирном договоре, заключенном в Тильзите. Петербургский кабинет отвечал, что не даст никаких объяснений, пока французская армия не отойдет обратно за Рейн. Между прочим, было сказано: и мои верные союзники были бы брошены на произвол державы, которую собственный жребий влечет к гибели! – За тем следовало обращение к солдатам: Или может быть думают, что вы переродились? Что вы не те же храбрые воины Аустерлица и Эйлау? Вы, которые этой последней битвой решили успех Польской войны!... Мы заставим Россию отказаться от всякого влияния на дела Европы.

3. Польские войска были все употреблены в войне против Испании, где им предоставлена была полная свобода действий. В начале 1812 г. Наполеон приказал, чтобы все войска собрались на Эльбу, а дабы облегчить им поход, большую часть войск перевозили из одного департамента в другой на подводах, таким образом, к началу марта все означенные войска были собраны в Германии. Затем Наполеон приказал произвести новые рекрутские наборы в герцогстве Варшавском, преимущественно для усиления кавалерии, объявил большое производство по штабу и по польским войскам и роздал польским офицерам большое количество орденов. Наконец он обещал Полякам восстановить их прежнюю независимость.

4. Французские солдаты надеялись найти в России те же средства, которые они находили в Германии. Им была известна храбрость Русских, но Наполеон и его генералы старались их уверить, что русские крестьяне, питая сильное желание свободы, соединятся с французской армией для истребления помещиков, и что война окончится до наступления зимы.

5. Итальянская армия прошла почти все герцогство Варшавское и вела себя изрядно, но корпус, состоявший под начальством короля Иеронима (брата Наполеона), учинял всякого рода бесчинства. Сам король взыскивал денежные контрибуции в свою пользу и делал реквизиции для своего стола и для продовольствия своего штаба. Генерал Вандамм, старший после него начальник, потребовал и взыскал с жителей герцогства от 4-х до 5-ти сот тысяч франков.

6. Наполеон объявил в Вильне, что он хочет освободить Поляков, и что он в особенности уважает храбрых Литовцев. Он советовал им немедленно приступить к формированию войска и учреждению временного правительства. Князь Понятовский и его штаб, проповедуя на виленских улицах, возбуждали народ к революции и старались вселить вечную ненависть к русскому правительству. Жители были убеждены, что в этой войне французские войска увенчаются славой.

7. Во французской армии составилось два мнения об отступлении Русских: одно, которое разделяли старшие генералы, заключалось в том, что русский главнокомандующий своим постоянным отступлением хотел ослабить французскую армию, в особенности кавалерию, другое, которое было в ходу между молодежью, незнакомою с храбростью Русских, и которое старался распространять Наполеон, состояло в том, что русская армия отступала по трусости, и что во главе ее не было начальника, способного бороться с Наполеоном.

8. Во французской армии было несколько порядочных шпионов, почти все были Поляки или литовские Евреи. Но дело в том, что ни разу Наполеон не мог получить достоверных и положительных сведений о действительном расположении русской армии. Замечательно, что никакие обещания, никакие угрозы не заставили ни одного из русских пленных сообщить что-либо касающееся до армии.

9. Когда поражение Удино стало известно в армии (обстоятельство это хранилось в тайне), то французские генералы были того мнения, что корпус Виктора должен немедленно двинуться к нему на помощь, так как все надеялись, что Рига не замедлит пасть перед Макдональдом, которому в этом случае можно будет сделать диверсию на Петербург. При этом делалось следующее замечание: стоит нам выиграть одно сражение, и вся страна в наших руках⁴⁸.

10. Наполеон распустил по всей армии слух, что известие о заключении мира между Россией и Портой ложно, что напротив того, посланник его, г-н Андреосси, уже заключил или не замедлит заключить союз с этой последней державой⁴⁹.

11. Наполеон даже и не намеревался собирать военные советы для обсуждения плана войны, один Бертье был посвящен в его тайны.

12. Наполеон не остался в Смоленске, полагая, что если ему удастся выиграть одно большое сражение, ему можно будет предписать русскому правительству условия мира по своему усмотрению. Кроме того, он надеялся во-первых –

найти в Москве всякого рода запасы, во-вторых – движением во внутренность страны распространить повсюду ужас, взволновать крестьян и привлечь к себе всех иностранцев, проживающих в России.

13. Французская армия надеялась найти в Москве все для себя нужное и отдохнуть в ней от всех претерпенных ею лишений. Как солдаты, так и большая часть офицеров, не переставали расспрашивать у изредка попадавшихся им навстречу крестьян: далеко ли до Москвы? – по этому уже можно судить о нетерпении их добраться до этого города. Генералы и прочие начальники постоянно повторяли для утешения солдат, что Москва близка и что в ней кончатся их страдания. Что же касается до мнения французской армии о русских крестьянах, то большинство хотя и считало их тупоумными, но полагало, что их легко возбудить к восстанию и привлечь на свою сторону.

14. Все продовольственные запасы армии заключались в небольшом количестве сухарей, заготовленных в Данциге и Эльбинге, последние прибыли в Вильну только в октябре-месяце. В Пруссии французская армия, не исключая генералов, продовольствовалась на счет обывателей, в Литве солдатам выдавалось немного муки, но когда не стало ни крупы, ни ячменя, то в армию (и то не во все корпуса) поставлялось одно мясо. Множество быков, коров и баранов было собрано в Пруссии посредством реквизиции.

15. Небольшие запасы, заготовленные для французской армии, были собраны посредством реквизиции в герцогстве Пруссии.

Примечание. Первый корпус, бывший под начальством маршала Даву и квартировавший около месяца близ Эльбинга на продовольствии жителей, получил приказание – за два дня

---

⁴⁸ Имеется в виду сражение под Клястицами, в результате которого 18–20 июля 1812 г. французы потерпели крупное поражение, остановившее их продвижение на Петербург.

⁴⁹ Речь идет о Бухарестском мирном договоре, заключенном в мае 1812 г. между Россией и Османской империей.

до оставления своих квартир захватить в окрестностях этого города муку, крупу, лошадей и прочий выючный скот. Маршал назначил день, в который полковые командиры должны были в точности разыскать все запасы и увести быков, коров и прочий бойный скот для распределения по полкам этого корпуса.

16. Французская армия стала ощущать недостаток в провианте за два перехода до Немана, только в некоторых корпусах, составлявших авангард, имелся хлеб, в самой же армии было одно мясо.

17. От перехода через Эльбу до Вислы французская армия ежедневно оставляла за собой множество отсталых, а еще более мародеров, которые грабили не только провиант, но все, что попадалось под руку, от Вислы до перехода через Неман число отсталых и мародеров удвоилось, но после перехода через Неман, когда армия всего более стала нуждаться в провианте, то не было возможности удерживать солдат: они стали отставать целыми сотнями. Когда офицеры приказывали им догонять свои команды, они отвечали: дайте нам хлеба!

Примечание. От Кенигсберга до Смоленска, на флангах и позади французской армии, образовались целые колонны мародеров, или вернее грабителей, которые налагали контрибуции на проходимые ими селения. Одна из подобных колонн в числе 600 человек под начальством польского унтер-офицера разбойничала между Кенигсбергом и Могилевом и совершала самые ужасные злодеяния. Наполеон вынужден был выслать два батальона пехоты и 50 жандармов, чтобы захватить эту партию мародеров. Трудно описать все ужасы, которые совершались от Вильны до Москвы в тылу французской армии.

18. В Москву вступило около 60 тысяч войска, в том числе старая гвардия; около 15 тысяч итальянской армии расположилось в десяти верстах от Москвы по Можайской дороге; кавалерия и небольшой корпус пехоты под начальством короля Неаполитанского только прошли через Москву и заняли позицию в 30 или 40 верстах от города по Калужской дороге.

Примечание. С 14 сентября нов. ст. по 20 октября прибыло в Москву значительное число отсталых и несколько оставшихся назади корпусов, большею частию принадлежащих к молодой гвардии. В Москве постоянно находились до 60 тысяч войска, в том числе обе гвардии и итальянская армия.

19. Самый чувствительный вред наносили казаки французской армии своими внезапными нападениями, в особенности же вредили они фуражирам во время пребывания армии в Москве.

20. Общее мнение всех французских генералов и офицеров, что казаки хороши для аванпостной службы, для засад, для нападений на отдельные отряды, в особенности при отступлении армии.

21. Наполеон и некоторые из французских генералов почитали графа Ростопчина за человека одаренного замечательным умом и высокими способностями.

22. Многие иностранцы, оставшиеся в Москве, в особенности же Французы, поселившиеся в этом городе, описывали графа в самых ужасных красках. Они говорили, что московский генерал-губернатор, граф Ростопчин, собственною властью выслал на барках многих отцов семейств, людей весьма почтенных, между прочим своего собственного повара, честного Француза; что, кроме того накануне вступления в Москву французских войск он сам выпустил из тюрем содержащихся в продолжение многих лет негодяев, выдал им оружие и приказал им сжечь не только провиантские магазины и амуничные склады, но даже все дома, в которых Французы могли что-либо найти; наконец, что он приказал убить в своих глазах (говорили даже, что он сам нанес первый удар) одного честного и благородного юношу, написавшего что-то на русском языке о французской армии. Одним словом, по их рассказам граф был сущий изверг, жесточайший из тиранов.

Почти все генералы и начальники отдельных частей, получив обстоятельное описание всех злодеяний, совершенных графом, сообщили его корпусам, вступившим в Москву; на поле

находились приметы графа и строгий приказ схватить его, если он попадется в руки французского авангарда и держать его под самым строгим караулом.

После тех ужасов, которые рассказывали о графе, неудивительно, что он сделался предметом ненависти большей части офицеров и солдат.

Достоверно то, что Наполеон ежедневно отзывался о графе с самой дурной стороны. Ненависть его к нему происходила оттого, что граф оказал ему сопротивление и, вопреки его ожиданиям, не вышел встречать его с ключами города, как то было в Вене и Берлине.

23. Французская армия надеялась, что война с Россией кончится в одну кампанию и что Россия заключит мир, согласный с требованиями Наполеона. Люди самые рассудительные разделяли это мнение, так как с давнего времени не было примера, чтобы нападение было произведено так внезапно, с такими грозными силами на изолированное государство, не имеющее ни одной крепости для охранения своих границ и лишенное, следовательно, возможности отвлечь часть неприятельских сил от наступательных действий вовнутрь страны.

24. Австрийский корпус, под начальством князя Шварценберга (человека, подкупленного Наполеоном), был совершенно расположен подражаться с Русскими. Наполеон щедрою рукой награждал французскими орденам офицеров этого корпуса и многое обещал к концу войны.

Чтобы более привязать к себе Пруссиков и другие союзные войска, хитрый Наполеон прикомандировал к своей гвардейской кавалерии прусский гусарский полк, известный под именем гусаров смерти, и который с такой яростью дрался против Русских под Можайском, многие офицеры и солдаты получили орден почетного легиона, и более 30 унтер-офицеров и рядовых были переведены в конные егеря французской императорской гвардии.

25. Вследствие вышеобъясненной причины Баварцы и прочие союзники сделались ревностными приверженцами Наполеона.

26. Вестфальский король был отослан из армии за то, что он запоздал со своим корпусом, который должен был соединиться в Могилеве с корпусами маршала Даву и князя Понятовского и остановить движение князя Багратиона. Король Иероним, не доходя 60 верст от назначенного пункта, давал праздник одной литовской панне.

27. Наполеон делал все что мог, чтобы принудить русского главнокомандующего к генеральному сражению; но осторожность последнего не допустила Французов препятствовать его движению. Это бесило Наполеона, который думал, не удаляясь от границ, уничтожить русские силы, прежде чем они успели бы соединиться и таким образом окончить кампанию до наступления осени.

28. Ни одного Русского не было в числе приверженцев Наполеона, но много Поляков, в особенности литовских, перебегало в французскую армию, откуда отправляли их в Вильну, где формировался 128-й армейский пехотный полк из дезертиров всех наций.

29. Большая часть французской армии была того мнения, что русские войска сражаются храбро, но что им не достает проворства, что у них плохие начальники, что движения их слишком медленны, а огонь пехоты недостаточно меток (что вполне справедливо).

30. Французская армия была убеждена, что это сражение решит исход войны. Никто, даже из старых генералов, не был свидетелем такой страшной резни. Перед сражением Наполеон, зная, с кем предстоит ему бороться, воодушевлял своих солдат разными заманчивыми обещаниями, уверял их, что успешный результат этого сражения положит конец всем бедствиям и обеспечит хорошие квартиры на зиму: одним словом, он обещал все, о чем только могла мечтать армия. Нет сомнения, что он мог избегнуть встречи с русской армией, а, следовательно, и не дать сражения, но возможно ли было оставить в тылу неприятельскую армию и потерять вместе с тем сообщение с остальной частью французской армии, составлявшей арьергард? Кроме того, он полагал, что русские войска не окажут долгого сопротивления и что ему удастся отрезать крыло неприятельской армии; с этой целью он поручил князю Понятов-

скому маневрировать с польским корпусом на правом фланге русской армии, но план этот не увенчался успехом. – Уверяют, что накануне сражения князь Понятовский предлагал Наполеону перейти со своим корпусом, подкрепленным 4 тысячами французской легкой кавалерии, направо от Можайска и занять дорогу к Москве. Наполеон не одобрил этого маневра, предполагая русскую армию многочисленнее, чем она была в действительности.

31. Французские генералы думали, что если они займут русские батареи, особенно центральную, то им легко будет отрезать значительную часть неприятельской армии, но упорная защита этих батарей заставила понести большие потери в генералах и лучших офицерах и рядовых и разрушила их планы.

32. Приказ грабить Москву состоялся 16-го сентября нов. ст., в день, в который начались в городе пожары⁵⁰. В приказе этом было сказано: полковые командиры отправят на грабеж Москвы по одному отряду от каждого полка под командой штаб-офицера, обязанность которого должна состоять в том, чтобы предупреждать ссоры между солдатами разных полков и указать своему отряду ту часть города, которая назначена для него в настоящем приказе. Когда же грабеж начался, то грабить принялись не только солдаты означенных отрядов, но почти вся армия, особенно старая императорская гвардия (первой вступившая в Москву) и италийская королевская гвардия. Грабеж сделался всеобщим и сопровождался страшными беспорядками: армейские солдаты вступили в драку с гвардейцами, считавшими за собою больше прав, помечались даже несколькими ружейными выстрелами. Но когда добрались до погребов, наполненных винами и спиртными напитками, то беспорядки достигли высшей степени, офицеры и солдаты перепились до безобразия.

33. Не приняли участия в грабежах только следующие войска: драгунская дивизия италийской армии и корпус под начальством генерала Брусье, которые расположены были в некотором расстоянии от Москвы, и вестафальский корпус, который оставался в Можайске.

34. Положено было прекратить грабеж 24-го числа сентября нов. ст., но он продолжался во все время пребывания армии в Москве. Французские офицеры смотрели на это сквозь пальцы; только некоторые из них сумели остановить его в некоторых частях города.

35. Наполеон уверял, что граф Ростопчин приказал сжечь не только провиантские магазины, но даже все те части города, где французская армия могла найти какие-либо запасы. Поляки первые зажгли несколько домов, а когда последовал приказ о грабеже, то и французские солдаты с их союзниками сожгли несколько покинутых зданий.

36. Маршалу Мортье, герцогу Тревизкому, Московскому губернатору, было поручено Наполеоном сжечь все фабрики, бумагопрядильни и другие заведения и магазины, которые уцелели от прежних пожаров, это приведено в исполнение в последние четыре дня пребывания французской армии в Москве.

Примечание. Пожары этих магазинов были причиною того, что значительная уцелевшая часть города сделалась жертвою огня.

37. Многие французские генералы объясняли долгое пребывание Наполеона в Москве тремя побудительными причинами: 1) от продолжительного похода и недостатка в продовольствии войско было приведено в весьма плохое состояние; 2) как уже было сказано выше, армия оставляла за собою большое число отсталых и легко раненых, которых ежедневно несколько человек прибывало в Москву; 3) Наполеон надеялся, что Оттоманская Порта вследствие происков посланника его, генерала Андреосси, нарушит мир, заключенный с Россией, и сделает чувствительную и полезную для него диверсию.

38. Наполеон думал, что после страшной битвы под Можайском русские войска рассеялись в разные стороны, и что трудно будет собрать их. Кроме того, он надеялся, что корпус маршала Виктора (9-й) успеет соединиться с ним в Москве.

---

⁵⁰ Пожары начались еще 2 (14 сентября).

39. Все давало повод предполагать, что Французская армия пробудет большую часть зимы в Москве: всякий день полковые командиры получали приказы собирать какой только найдется провиант и заготовлять запасы соленой капусты и картофеля, в исполнение этих приказов все стоявшие в Москве полки высылали за добычей команды во 100 и 150 человек. (Половина этих команд попадала в руки казаков или крестьян, которые не забирали их в плен, а убивали на месте.) Два обстоятельства заставили Наполеона вдруг изменить прежнее намерение: 1) прибытие важного курьера от герцога Бассано (Мааре), министра иностранных дел, находившегося в то время в Вильне; 2) донесение, полученное от короля Неаполитанского, командовавшего авангардом и извещавшего о большом деле, которое он имел с русской армией и в котором перевес оставался за Русскими⁵¹. Он просил подкреплений: немедленно были отправлены для соединения с авангардом бывшие еще в Москве остатки 1-го и 3-го корпусов.

40. От огня была спасена разная мука в количестве достаточном для продовольствия 80 тысяч человек в продолжение 3-х месяцев. Спасли также много вина, но большая часть была выпита на первых же порах, а еще большая пропала от оплошности солдат, пьянствовавших более 4-х дней. Успели сберечь немного вина для госпиталей и несколько бочек водки.

Примечание. Если бы Наполеон не дозволил грабить (вообще, армии более теряют, чем выигрывают от грабежей), то Москве достало бы провианта на 6 месяцев для стотысячной армии, ибо в иных домах находились запасы, которыми можно было прокормить 400 человек в продолжение 6 месяцев.

41. Временное правление, учрежденное Наполеоном в Москве, не принесло большой пользы французской армии, разве только тем, что некоторые из его членов служили французам шпионами, указали некоторые места, где скрыты были драгоценные вещи, и оказали содействие при обольщении нескольких крестьян.

42. Наполеон приказал формировать один пехотный корпус исключительно из Русских и иностранцев, поселившихся в России, но формирование этого корпуса не состоялось: лишь несколько пленных (преимущественно малороссиян) были завербованы в польские войска.

43. По приговору судной комиссии было расстреляно несколько крестьян и старых инвалидов, в приговоре было сказано, что все они уличены в поджигательстве, и что они оказались преступниками, выпущенными графом Ростопчиным для того, чтобы поджигать город.

44. Статья 39-я вполне отвечает на этот вопрос.

45. Во время пребывания своего в Москве французская кавалерия большую часть своих потерь делала при фуражировках. Со дня вступления в Москву всего убыло в кавалерии от 1 600 до 1 700 человек и столько же лошадей.

Примечание. За два дня до выступления из Москвы последних французских войск было сожжено более 14 тысяч седел; из этого можно заключить о тех потерях, которые понесла французская кавалерия от Смоленска до Москвы.

46. Еще до своего отъезда Наполеон приказал заложить в Кремле несколько мин, но к заложению больших мин приступлено 21-го и 22-го октября нов. ст. Исполнение этого важного поручения было возложено на инженер-подполковника императорской гвардии Горчилли и другого инженерного офицера Лорана. В приказе повелевалось заложить мины в центре Кремля и под большею частью стены.

47. Действие мин не соответствовало ожиданиям Наполеона, во-первых, потому что число минеров было крайне ограничено, а солдаты, назначенные им в помощь, были весьма малоопытны в такого рода работах; во-вторых, что оставалось слишком мало времен для того, чтобы отчетливо отделать все мины; в-третьих, что московский губернатор, маршал Мортье, отпустил для заряда мин старый и дурного качества порох.

48. Это объяснено в статье 38-й.

---

⁵¹ Имеется в виду сражение при Тарутине 6 (18) октября.

49. Неудачи походов 1812 и 1813 годов зависели от многих причин: во-первых, не было ни одного магазина, начиная от Вильны до самой Москвы; во-вторых, Наполеон слишком далеко зашел вовнутрь России, не озаботавшись наперед тем, найдет ли он везде все нужное для армии, особливо фураж, в-третьих, слишком продолжительное пребывание в Москве, в-четвертых, недостаток верных сведений о положении внутренних частей России и характере жителей, в-пятых, мир, заключенный между Турцией и Россией, в-шестых, отсутствие материалов для изготовления теплой одежды на армию, подверженную влияниям такого сурового климата, как в России (Французская армия была налегке, к тому же многие корпуса только что оставили одни Испанию, другие Италию), в-седьмых, ослабление дисциплины (прямое следствие недостатка в провианте), которое довело солдат до совершения самых варварских поступков с обывателями, особенно сельскими, которые все ополчились против французской армии и наносили много вреда флангам и арьергарду; наконец – честолюбие Наполеона, побуждавшее его во что бы то ни стало занять Москву, в надежде этим занятием распространить в России всеобщий ужас.

50. Чтобы поддержать дух своих солдат Наполеон распространял разные ложные слухи, так например, что будто известие о заключении мира между Россией и Турцией не верно, что, напротив того, Порты не замедлит выставить против России сильную армию и сделать этим важную диверсию, что так как Испанская война приближается к концу, то в случае, если Россия не согласится на мир, все силы будут направлены против нея одной, что будто в Майнце формируется новая резервная армия под руководством старого маршала Келлермана.

51. Ответ в предыдущей статье.

52. Французская армия отступала в величайшем беспорядке, почти все время арьергард составляли или молодая или старая гвардия и часть 4-го корпуса (Италийская армия). В Смоленске находился 9-й корпус маршала Виктора, не бывший еще в деле.

53. Замечательнейшие генералы по своим дарованиям или по долгой опытности суть следующие:

Александр Бертье (принц Невшательский и Ваграмский), старший маршал и начальник главного штаба всей французской армии, одарен огромною памятью и не имеет себе равного в администрации многочисленной армии, он умеет с пользой употреблять способности каждого офицера и генерала; наконец умение сохранять спокойствие духа в самых затруднительных обстоятельствах ставит его на ряду лучших полководцев столетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.